

Сергей КИРИЕНКО

ГУЛЫ

Книга вторая:
МУХИ И ПАУКИ

Редакция 2017 г.

18+

Сергей Кириенко

Гулы. Книга вторая: Мухи и пауки

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кириенко С. И.

Гулы. Книга вторая: Мухи и пауки / С. И. Кириенко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-0867-7

Гулы устраивают чудовищную ловушку, заманивают в нее всех бандитов и полицейских Террено и уничтожают их. Теперь жители города оказываются абсолютно беззащитными перед дьявольскими созданиями и их темным повелителем Вассах Гулом, которому нужны тысячи свежих трупов для того, чтобы родить из них новых слуг. И ради достижения этой цели он не остановится ни перед чем!

ISBN 978-5-5321-0867-7

© Кириенко С. И., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть третья: «ВИНСЕТ ГОАЛЬ ВАССАХ ГУЛ»	6
Глава шестнадцатая	6
Глава семнадцатая	19
Глава восемнадцатая	31
Глава девятнадцатая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	56

В оформлении обложки книги использована фотография с <https://pxhere.com> по лицензии СС0.

Часть третья: «ВИНСЕТ ГОАЛЬ ВАССАХ ГУЛ»

Глава шестнадцатая

Черные тени, спустившиеся на долину и скрывавшие ее в течение ночи, к утру начали втягиваться в горные расщелины за Кальва-Монтанья, освобождая Террено из пелены мрака... За час до восхода солнца с юга долины налетел сильный ветер. Он растрепал бумажные афиши на рекламных тумбах кинотеатров, поднял мусор на окраинах города, отбил барабанную дробь незапертыми ставнями окон. Через час над Морте-Коллине показался край бледно-розового диска солнца. Южный ветер внезапно усилился, и под его порывами серые тени, прятаящиеся на узких улочках города, лопнули, словно ветхое одеяло, и клочьями рваной бумаги унеслись прочь. Спустя еще полчаса солнце выбралось из-за холмов – в Террено начался новый день...

В своем доме на севере города проснулся Франческо Борзо. Несколько минут он лежал на кровати, прислушиваясь к ветру на улице. Под его порывами росшие под окном магнолии раскачивались и били своими длинными ветвями по стеклу. Получался странный звук – словно дикий чудовище скребло когтистыми ложноножками по оконной раме. Впрочем, уже через пару минут после того, как Франческо открыл глаза, завывания ветра на улице стихли. Вскоре прекратились и постукивания ветвей по стеклу. Остался слышен лишь шорох листвы.

Повернув голову, Франческо взглянул на лежащую рядом жену – Мальда Борзо спала на животе, повернув голову в сторону мужа. Несмотря на то, что в прошлом году ей перевалило за тридцать, она всё еще была хороша: черные волосы мягко оттеняли ее плавно изогнутые губы и нос, длинные ресницы закрывали небесно-голубые глаза...

Несколько секунд Франческо смотрел на расслабленное сном лицо Мальды. Когда-то один лишь взгляд на это лицо вызывал у него желание. Сейчас он смотрел на него спокойно. Лицо и тело Мальды не вызывали у него больше неодолимой потребности срывать с нее одежду и валить на первый попавшийся диван.

Он двинул под одеялом рукой и помял ладонью ягодицу жены. Она была мягкой и теплой – какой он и помнил ее на протяжении последних десяти лет. В его движении не было ничего от страстного любовника – это был обычный жест мужа, давно привыкшего к телу супруги, не вызывающему у него больше особой страсти. Теперь свою страсть он всё чаще выплескивал в небольшом доме на юге города, куда верный Баррио доставлял ему молоденьких горожанок, удовлетворяющих все его капризы и не требующих взамен ничего, кроме нескольких купюр с тремя ноликами... Догадывалась ли Мальда о том, что он изменяет ей? Возможно, она что-то и чувствовала – подспудно, своим женским чутьем, – но виду не подавала. Наверное, она понимала, что их любовь, вспыхнувшая когда-то, не может полыхать вечно. Впрочем, сейчас их соединяло нечто большее, чем телесная близость и секс, – их дочь Фернандина. В последние годы *она* стала смыслом существования Мальды, да и в жизни самого Франческо заняла одно из важнейших мест. Часто, глядя на золотистые кудри дочери и слыша ее веселый смех, он ощущал непонятное удовлетворение, которое не могли доставить ему ни занятия сексом с молоденькими терренками, ни игра в рулетку, ни его каждодневная «работа».

Поднявшись с кровати, Франческо Борзо прошел в ванную комнату, примыкавшую к спальне, помочился в белоснежный унитаз и подошел к умывальнику. Остановившись напротив зеркала в золотистой ободке, посмотрел на свое отражение: из холодной глубины посеребренного стекла на него взглянуло лицо сорокалетнего человека, тронутое первыми морщинами и обрамленное черными волосами с несколькими седыми прядями...

...Его настоящая фамилия была Росси. Сорок лет назад он родился в Новом Орлеане в семье итальянского эмигранта в первом колене. Его отец был *consigliere* – советником – у одного из влиятельнейших боссов итальянской мафии Нового Орлеана. До восемнадцати лет жизнь Франческо шла своим чередом: достигнув соответствующего возраста, он пошел в начальную школу, затем – в колледж. После окончания колледжа его намеревались отдать в университет. Отец хотел сделать из него юриста, чтобы в дальнейшем он мог занять достойное место в жизни, а если пожелает – сменить его в семейном деле. Франческо не возражал. Пока же он довольствовался тем, что преподносила ему жизнь.

В колледже молодой Росси пользовался популярностью среди его женской половины. Так как от природы он не был застенчив, то к восемнадцати годам уже неплохо разбирался в женской анатомии и психологии. У него появилось несколько подружек (ни на одну из которых он, правда, не строил серьезных планов), и для того, чтобы выполнять их желания, ему требовались деньги. Родители его были люди хоть и строгие, но любящие, – Франческо не испытывал серьезных финансовых затруднений. Однако на каком-то этапе ему потребовались большие деньги, чем те, что давал ему отец, и Франческо решил самостоятельно добывать себе кое-что на карманные расходы.

Вместе с приятелем из колледжа он решил приторговывать наркотиками. Знакомый приятеля согласился снабжать их опиумом, который они должны были продавать после учебы в южном районе города. Отцу о своем решении Франческо, конечно же, не сказал, зная, что тот не одобрил бы его затею... Сначала всё пошло хорошо: деньги, которые получал Франческо, были хоть и не такими большими, как бы хотелось ему, но гораздо больше того, что он получал от отца, – теперь он мог полностью удовлетворять прихоти своих подружек. Так продолжалось несколько месяцев. Затем вдруг ему показалось, что за ними следят. Франческо поделился своими опасениями с приятелем, но тот сказал, что не замечал ничего подозрительного. Через несколько дней успокоился и сам Франческо, решив, что слежка ему показалась. А затем случилось то, что круто изменило его жизнь.

Как-то вечером они с приятелем зашли в небольшой бар на юге города. Они уже продали большую часть полученного утром товара, но у обоих еще оставалось по несколько порций опиума. В баре Франческо заметил невысокого человека с короткими волосами, которого, как ему показалось, он уже видел несколько раз на протяжении последней недели; человек этот был не один. На мгновение Франческо до смерти перепугался – он интуитивно почувствовал, что это легавые. Ничего не сказав приятелю, он поспешил в туалет, чтобы избавиться от наркотиков. Но когда он зашел туда, следом за ним вошел и человек с короткими волосами. Тот вытащил пистолет и жетон агента ФБР и предложил Франческо вернуться в зал. Росси, застывший над облеванным унитазом с пакетиком опиума в руке, решил, что это конец. Он поднялся и на ватных ногах шагнул к двери. Однако в следующий миг с ним что-то случилось: за какую-то секунду он понял, что этот человек с жетоном олицетворяет для него конец прежней жизни – обеспеченной и приятной, – и возможно, начало новой – с решетками и тюремными порядками. Он быстро принял решение: бросив пакет в унитаз, выбил пистолет из руки фэбээровца и толкнул его в грудь. Человек с жетоном взмахнул руками, нелепо покачнувшись, ударился затылком о сушильный аппарат и повалился на пол. Несколько секунд Франческо не двигаясь смотрел на упавшего, глядя в его остекленевшие глаза и не понимая еще, что только что он убил человека. Затем до него дошло, чем это пахнет, и он бросился к маленькому окну в торцевой стене туалета.

Отец Франческо, узнав о случившемся, не стал закатывать истерики, а принялся действовать: он сразу же понял, что после того, что произошло в баре, его сыну в стране оставаться нельзя. Уже через пару часов небольшой катер перевез Франческо через Мексиканский залив в Матаморос. Оказавшись на севере Мексики, Франческо провел неделю в небольшом

ранчо возле южной границы США. За это время ему выправили новые документы на имя Франческо Борзо. А затем самолет перевез его в Италию, и для него началась новая жизнь...

Молодого Борзо принял в свою семью один из влиятельнейших мафиози Милана – дон Эскабано Гарцетти. Человек этот, в молодости бывший другом отца Франческо, теперь контролировал четверть поставок всех наркотиков на территорию Ломбардии, проституцию на юге Милана, содержал большой штат наемных убийц, действовавших по всему северу страны. Когда Франческо сошел с трапа самолета в Милане, решение о его дальнейшей судьбе было уже фактически принято. Так как, несмотря на новые документы, он не мог «светиться» перед властями, путь по легальной лестнице для него был закрыт, и для того, чтобы жить достойно, ему оставалась одна дорога – самому стать мафиози. Дон Гарцетти объяснил сыну своего друга сложившуюся ситуацию и предложил принять его в свою семью. Франческо думал недолго. С ранних лет он отличался тем, что называется *svegliatezza* – смекалка, сообразительность, – и быстро понял, что для него действительно существует лишь одна дорога... У дон Гарцетти было два сына, младший из которых был старше Франческо на пять лет. Дон Эскабано Гарцетти отдал Франческо под начало своего старшего сына Карло. Несмотря на молодость (ему не было еще и тридцати), Карло уже занимал в империи своего отца достойное положение – у него был свой отряд, контролировавший один из южных районов Милана. Карло принял Франческо под свое крыло и начал его обучение.

За короткое время Франческо научился стрелять и профессионально водить машину, разбираться в хитросплетениях торговли крупными партиями наркотиков и спекуляции на тотализаторе, контролю за проститутками и сутенерами. Кроме того, Карло Гарцетти обучил его тому, что называется уличной стратегией – тому, как с помощью нескольких вооруженных человек удерживать в подчинении мелких грабителей и хулиганов на вверенной территории. Франческо учился быстро и всё схватывал на лету. Сказывались его врожденные способности – они проявлялись у него еще в колледже, в Америке, – здесь же им представилось особое поле деятельности. За три года, проведенные Франческо рядом с Карло Гарцетти, он многому у него научился, но, пожалуй, самым важным из всего полученного было умение управлять людьми. Карло быстро заметил, что молодой «американец» проявляет в этой области большие успехи. Через три года Франческо сменили статус – Карло Гарцетти убедил своего отца выделить Борзо несколько человек для самостоятельной работы на улице. По небольшому размышлении дон Гарцетти рискнул попробовать.

На протяжении двух следующих лет Франческо Борзо убедительно доказал, что готов для самостоятельной работы: на его территории резко снизилась деятельность неконтролируемых преступников; доходы от продажи наркотиков и еженедельные поборы с владельцев мелких заведений увеличились. При этом за все два года только один его человек попался полиции. Впрочем, и тому удалось избежать тюрьмы: Франческо через подставное лицо внес за него залог, и вышедший на свободу парень уехал из Италии... Всё это, конечно, не могло укрыться от внимания дон Гарцетти. Он видел, как работает молодой «американец», и понимал, что положение уличного десятника не для него. Франческо Борзо суждено было карабкаться вверх по иерархической лестнице семейства Гарцетти.

Однако совершенно неожиданно произошло событие, перевернувшее планы многих, в том числе – и самого Франческо: дон Эскабано Гарцетти умер от рака желудка. После смерти отца семейное дело возглавил Карло. В структуре управления людьми семейства были сделаны некоторые важные изменения. Одно из них заключалось в том, что Франческо Борзо было предложено возглавить бывший отряд Карло. Франческо, не долго думая, согласился. Однако сделал он это не потому, что так уж стремился работать под началом Карло Гарцетти, а по другой причине – скорее, он стремился избавиться от его влияния. Пока же он принял это предложение, чтобы, используя преимущества своего нового положения, подготовить себе необходимый плацдарм...

В течение следующих полутора лет он исправно служил новому дону, во многом превзойдя своего учителя. Южные окраины Милана стали безраздельной вотчиной семейства Гарцетти – люди Франческо Борзо аккуратно пресекали все попытки представителей двух других крупных семейств Милана проникнуть в сферу интересов семейства Гарцетти. Тем временем сам Франческо несколько раз выезжал из Милана на запад Ломбардии. Люди Карло Гарцетти, приставленные следить за новым *sarogegite* семейства, докладывали дону, что Франческо Борзо наведывается в маленький городок, расположенный в пятидесяти километрах от Милана. Что он там делает, неизвестно. Карло Гарцетти приказал следить за передвижениями Борзо с удвоенным вниманием. Впрочем, сделал он это не потому, что не доверял или боялся своего нового *sarogegite*, а следуя давнему совету отца: предугадывать малейшую возможность предательства и пресекать ее в самом зачатке. Он не верил в то, что человек, который был близок ему на протяжении последних пяти лет, может пойти против него; но не мог не видеть другого: Франческо Борзо не принадлежал к той породе людей, которые могут довольствоваться подчиненным положением, и то, что новый *sarogegite* что-то замышляет, для него не оставляло сомнений... Между тем загадочные поездки продолжались. Карло Гарцетти решил выяснить, что задумал «американец», но Франческо Борзо опередил его – за несколько дней до того, как дон Гарцетти собирался вызвать его к себе, он сам пришел к дону и выложил свой план.

На северо-западе Ломбардии располагался город Террено. Основанный четыре столетия назад странствующими францисканцами, он ничем не отличался от сотни других провинциальных городков Италии. Основой его жизнедеятельности было сельское хозяйство: жители Террено выращивали немного пшеницы, картофеля; в большем количестве разводили виноград. Вино, полученное из последнего, они продавали в соседние города. Террено располагался на берегу Олоны. Рыбы, пойманной в реке, и мяса коров, пасшихся на окраинах городка, его жителям хватало для жизни. На протяжении последних столетий и до недавнего времени население города не превышало сорокатысячную отметку. В Террено, как и в любом другом городе, была своя инфраструктура: мелкие лавочки, магазины, парочка государственных банков, аэропорт и речной вокзал. Были в Террено и свои *saro-tafiosi* – таких насчитывалось три человека. Они поделили город на части и доили мелких лавочников и зеленичков, изредка сталкиваясь в своих интересах. Однако их грызня напоминала собой вялое копошение жирных свиней на солнце – для настоящих мафиозных кланов Италии Террено не представлял собой никакого интереса. Впрочем, так было лишь до недавнего времени, добавил Борзо. Пять лет назад в семи километрах к северу от Террено открыли залежи циркония. А три года назад одна из американских компаний взялась за его разработку.

Когда Карло Гарцетти спросил, какой прок им от этого металла, который добывают американцы, Франческо нарисовал картину, заставившую дона Гарцетти по-новому взглянуть на своего *sarogegite*... Между тем, выводы, сделанные Франческо, были просты. Американская компания, взявшаяся за разработку циркония, решила, помимо добычи цирконсодержащей руды, заняться полным циклом по ее переработке, обогащению и получению готового материала. Для этого на северо-западе Террено за два года построили завод, рассчитанный на три тысячи человек. С учетом работы в две смены количество работающих на нем удваивалось. Запасы открытого циркония были таковы, что их должно было хватить для нормальной работы завода по меньшей мере на тридцать лет. Компания заключала с каждым работником контракт на пять лет. Это значило, что шесть тысяч человек, работающих на заводе, и две тысячи – добывающих руду, – должны будут всё это время жить в Террено, с семьями. Учитывая то, что подавляющее большинство рабочих было женато, и у многих из них были дети, можно было предположить, что в скором времени население Террено увеличится, по крайней мере, наполовину. Но увеличение населения должно будет произойти не только из-за приезда восьми тысяч американских рабочих с семьями. Для того, чтобы пере-

возить цирконий и снабжать материалами завод и рудник, потребуются новые аэропорт и речной вокзал. Для жилья приезжих потребуются дома, а для их отдыха – новые рестораны и кинотеатры, потому что старые с этим не справятся. Возникнет надобность в новых автостоянках и автозаправочных, ремонтных мастерских и магазинах... Для работы в них нужны люди, а это значит, что в ближайшие годы в Террено приедут жители из других городов Ломбардии. Инфраструктура города начнет развиваться. И вот тут-то Террено станет привлекательным для интересов мафии. В него можно будет ввозить наркотики и контрабандные товары. Можно будет построить небольшое подпольное казино и наладить работу проституток. В результате, в ближайшие десятилетия с Террено можно будет иметь пусть и небольшой, но стабильный доход. Но для того, чтобы сделать это, необходимо прибрать город к рукам...

Когда Карло Гарцетти выслушал Борзо, он некоторое время раздумывал. Конечно, он понял, что основной причиной, по которой его сарогегите разработал свой план, было не желание обеспечить для донна Гарцетти новый источник дохода, а стремление к самостоятельности. Карло Гарцетти понимал, что в том случае, если Борзо возьмет этот городок в свои руки и обоснуется в нем, то через короткое время он станет сильным и независимым от его воли, и львиная часть дохода будет оседать в его собственный карман. Но Карло Гарцетти понимал и другое: если он будет держать «американца» на привязи, ни к чему хорошему это не приведет. Он всё равно захочет самостоятельности, и как знать, что произойдет тогда. Лучше отпустить его сейчас, чтобы потом иметь хорошего друга, чем держать под боком потенциального бунтаря. К тому же, если Борзо действительно станет сильным, это будет на руку и ему – никогда не мешает иметь хорошего союзника, готового прийти на помощь в трудную минуту. В том, что Франческо Борзо не забудет добро, полученное от него сейчас, Карло Гарцетти не сомневался; поэтому, подумав, задал своему сарогегите всего лишь один вопрос: что ему потребуется для того, чтобы «взять» Террено? Франческо ответил, что ему необходимы десять человек из его отряда и несколько месяцев. Дон Гарцетти дал добро.

Через две недели Франческо Борзо приехал в Террено, встретился с каждым из трех саро-тафiosi, держащих город, и предложил им откупную за право вести в городе свои дела. Саро-тафiosi были поражены подобной наглостью приезжего сосунка, которому на вид нельзя было дать и двадцати пяти лет. Их ответ был однозначен: нет. К тому же, они потребовали от Борзо убраться из города. Франческо развел руками: ну что ж – нет, так нет. Он уехал из Террено... Спустя неделю одного из несговорчивых саро-тафiosi неизвестные застрелили в доме любовницы; другого уложили прямо за столиком ресторана, в котором тот ужинал. В течение следующих пяти дней было застрелено около дюжины подручных убитых саро-тафiosi. Во всех случаях свидетелей либо не находилось, либо они говорили, что не знали стрелявших. Лишь однажды полиции стало известно, что убийцы скрылись на машине с миланскими номерами... Через две недели Франческо Борзо переехал в Террено. Причина у него для этого была веская: на юге города он купил пару ресторанов и в магистратуре города зарегистрировался как предприниматель. Затем он дал двум своим помощникам поручение набрать работников в рестораны. Те принялись за дело: в течение недели тридцать молодых безработных терренцев оказались в их штате. Франческо приказал помощникам срочно обучить новобранцев и уже вскоре встретился с последним из бывших саро-тафiosi Террено. Им оказался сорокалетний Амелико Пандора.

Человек это был жесткий, но, на взгляд Борзо, недалекий. Он понимал, что двух его извечных соперников убрал этот мальчишка. Однако у него хватило ума пойти на переговоры, а не затевать с ним войну. Переговоры были короткими, но плодотворными. Франческо дал ясно понять, что за ним стоят большие силы в Милане. В свою очередь, Пандора открыл Борзо то, о чем тот подозревал, но до конца не был уверен, – он был связан родственными узами с крупным мафиози Турина. Франческо заявил, что не претендует на территорию Пан-

доры. Всё, что он хочет, – взять то, что принадлежало скоростно скончавшимся соперникам Амелико – южную часть Террено: Вилладжо-Верде и часть восточных окраин, примыкающих к реке. За Пандорой остается его бывшая вотчина – две трети Террено. По небольшому размышлению Амелико Пандора решил на условия Борзо согласиться – это было дешевле, чем воевать. К тому же, он, кажется, ничего не терял... Таким образом, первый раздел города был завершен. Франческо Борзо закрепился в Террено.

В течение следующего полугодия перемирие неукоснительно соблюдалось. Человек по имени Армандо Эрба, работавший на Борзо еще в Милане, занимался активной тренировкой созданного им отряда и понемногу прибирал к рукам владения убитых саро-тафиози в Вилладжо-Верде. Сам Франческо сосредоточился на скупке мелких заведений в северо-восточной части Террено. За короткое время он стал хозяином дюжины забегаловок в районе порта. Кроме того, он построил там же три небольших ресторана. Деньги на эти покупки он «занял» у донна Гарцетти с обещанием вернуть долг с процентами. Карло Гарцетти деньги ссудил, зная, что «американец» свое слово сдержит.

Тем временем Амелико Пандора внимательно следил за деятельностью противника. Он чувствовал, что тот что-то затевает, но не понимал, что именно. Между тем, в действиях Франческо не было ничего необычного. Как он и предсказывал Карло Гарцетти, Террено начал расти. К тому времени, когда у Франческо оказалось более дюжины заведений в районе порта, завод по переработке циркония на северо-западе Террено заработал вовсю. Дома для рабочих росли, как грибы под дождем. К северо-западу от Террено за полгода вырос новый район, получивший название Рионе Нуово, который терренцы неофициально начали называть «американским» кварталом. Территория, занятая одно-, двухэтажными сборными домиками для семей американских рабочих, не уступала по площади «старому» Террено. В новом квартале наскоро построили несколько продовольственных и хозяйственных магазинов, кафе-териев. Однако больше здесь ничего не возникло. Рионе Нуово стал спальным районом. Все увеселительные заведения остались в «старом» городе: в основном, в районе Золотого Бульвара, контролировал который Амелико Пандора. Когда население Террено резко подскочило с сорока до шестидесяти тысяч человек, поток посетителей в эти заведения по вечерам и, особенно в выходные дни, увеличился, но цены в них оставались высокими – Амелико Пандора держал на них монополию... И вот тут в дело вмешался Франческо. В своих заведениях он резко снизил цены, что привлекло к ним большую часть посетителей. Амелико Пандора быстро сообразил, к чему это приведет, если Борзо не остановит. Наблюдал он недолго, после чего потребовал, чтобы Франческо поднял цены в своих заведениях либо вообще прекратил свою деятельность в районе порта – больше, чем снижение цен, его злило то, что на его территории действовали заведения, которые ему же не подчинялись. Однако Франческо заявил, что это свободная конкуренция.

Молчаливое противостояние окончилось в один из жарких июльских вечеров. Два человека Пандоры, курировавшие небольшую улицу недалеко от порта, на которой располагался ресторан Борзо, убили в ссоре одного из его служащих. Погибший входил в отряд Эрбы. Франческо расценил это как формальный повод для начала военных действий. На следующий же день двоих молодчиков выловили из реки с гарронтами на шеях. В течение следующей недели в районе порта гремели выстрелы, и люди Пандоры умирали один за другим. Это была странная война: тридцать хорошо обученных уличных бойцов из отряда Эрбы, усиленные десятком миланцев, привыкших к жестким действиям с конкурентами, отлавливали людей Пандоры, словно медленных, неповоротливых свиней, и беспощадно убивали. За неделю дюжина людей Пандоры отправилась к праотцам. В отряде Эрбы не досчитались двоих. К тому времени Франческо Борзо подмазал кое-кого в местном комиссариате, и полицейские, занявшиеся убийствами возле порта, принялись искать исполнителей, но, странным образом, найти никого не могли. Через неделю после первого убийства Пандора и Борзо встретились опять, но теперь

это была не та встреча, что состоялась полгода назад. Теперь Борзо потребовал себе район речного порта. Иначе, пообещал он, его люди будут убивать шестерок Пандоры и дальние, пока в городе их не останется совсем, а сам Пандора не окажется в одиночестве. И что он будет делать тогда?.. Амелико Пандора скрипнул зубами, но что он мог предпринять? Он вдруг понял, что совершил серьезную ошибку: уже после первого появления Борзо в городе ему нужно было усилить свои отряды. Но он не сделал этого, поэтому теперь терпел поражение, а дальнейшее ведение войны могло обернуться для него лишь одним – полным разгромом. Таким образом, ему пришлось уступить район порта Борзо. И теперь у него осталась лишь половина Террено...

Получив северо-восточный район города, Борзо начал осуществлять то, о чем говорил Карло Гарцетти. Он позволил всем желающим открыть на своей территории новые заведения. Престижные бары и дешевые забегаловки начали расти возле реки, как на дрожжах. Недостатка в посетителях у них не было: подавляющее большинство населения Рионе Нуово было молодыми людьми до тридцати лет, которые после рабочего дня с удовольствием или вместе с женами потанцевать на дискотеку или посидеть за кружечкой пива в баре. Цены в новых заведения были невысокими, что также привлекало к ним посетителей. К этому времени Франческо разделил своих людей на два отряда, один из которых под началом Луиджи ле Гранде контролировал Вилладжо-Верде, другой остался за Эрбой. Борзо намеренно отдал район порта Эрбе, так как видел, что для жестких действий тот приспособлен лучше, чем ле Гранде. Пока Луиджи занимался уже устоявшимся сбором еженедельных податей с лавочников на юге Террено, Эрба, по приказу Борзо, начал подготовку к получению серьезных доходов с населения города. Первым делом он поручил своему помощнику подыскать девушек для предоставления особого рода услуг. Помощник быстро привез из Милана небольшую партию «живого товара»; неконтролируемым проституткам, действовавшим до этого на набережной реки, было предложено либо убраться восвояси, либо работать организованно; и вскоре в крупнейшем городском парке с символичным названием Джардино ди Дие Санти¹ каждый вечер начали прохаживаться стайки смазливых девиц, готовых за умеренную плату обслужить любителей «клубнички». Одновременно с этим Борзо приказал везти в Террено пробную партию наркотиков и начать продавать их на улицах речного порта. Имея личный опыт по торговле наркотиками, он понимал, что для серьезных вещей, наподобие опия или героина, этот город не готов, но легкие наркотики, вроде марихуаны и коки, он потянет... И Франческо Борзо не прогадал: уже через несколько месяцев в Террено сложилась своя клиентура, и с каждым последующим месяцем она росла. Между тем Франческо воплотил в жизнь еще один свой план – недалеко от пристани заработало казино. Действовало оно, конечно же, нелегально, и если бы своевременно не были подмазаны нужные люди в муниципалитете и магистратуре, ни о каком казино не могло бы идти речи. Но все, кому нужно было дать, свое получили, и казино начало приносить доход. Вскоре он превысил прибыль от проституции; а если бы в Террено было хотя бы в пять раз больше жителей, то он покрыл бы и доход, получаемый от продажи наркотиков. Впрочем, Франческо Борзо не жаловался. Через год он отдал долг Карло Гарцетти, и начал ежемесячно переправлять в Милан небольшие денежные «переводы» – ведь формально он всё еще числился в семействе Гарцетти. Несмотря на это, достаточную сумму он откладывал в собственный карман и расширял поле деятельности в Террено.

Спустя еще два года население Террено увеличилось до восьмидесяти тысяч человек. Дела у Борзо шли хорошо. Наркотики, проституция, казино и еженедельные сборы с мелких лавочников давали ощутимые суммы. Но всё чаще Франческо стал посматривать в сторону Золотого Бульвара. Он понимал, что для полного контроля за городом ему не хватает только этого района. Однако за прошедшие три года в Террено произошли кое-какие перемены. Каса-

¹ Giardino di Due Santi – Парк Двух Святых (итал.)

лось это Амелико Пандоры. За прошедшие годы он вышколил два отряда, бывшие у него в подчинении, и теперь они практически ничем не отличались от отрядов Борзо. Франческо понимал, что начинать войну за Золотой Бульвар в данной ситуации не имеет смысла – она не приведет ни к чему, кроме бессмысленного кровопролития. Необходимо было ждать. Он верил, что однажды Пандора утратит бдительность, и вот тогда придет его срок.

В год, когда ему исполнилось тридцать, Франческо Борзо встретил Мальду Онъёццо. Двадцатилетняя девушка приехала из Генуи к родственникам на каникулы. В день, когда она шла по Виа делла Виттория со своей кузиной, Франческо увидел ее из окна машины. Ехавшему вместе с ним Эрбе он поручил узнать, кто эта девушка... Через пару часов он знал о ней всё, что смог выяснить помощник. На следующий же день он приехал к дому, в котором остановилась Мальда, и ждал несколько часов, пока она выйдет на улицу. Он не ожидал, что всё получится так легко, но когда он заговорил с ней, девушка проявила к нему неожиданный интерес... Как она признавалась ему впоследствии, он понравился ей сразу. Их роман был недолгим – спустя три дня, в течение которых Франческо не расставался с Мальдой более чем на восемь часов, он предложил ей выйти за него замуж. Мальда, не долго думая, согласилась... После свадьбы они уехали на юг Италии. Здесь, на берегу моря, Франческо рассказал ей о том, в чем не решился признаться до свадьбы, – чем он занимался в Террено. Девушка, конечно же, слышала от родных, кто такой «синьор Борзо», и для нее его откровения не стали ошеломляющим открытием. Она сказала, что принимает Франческо таким, какой он есть, добавив, что для нее важен он сам, а не то, чем он занимается... Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, они идеально подошли друг другу: месяц они провели в постели, вылезая из нее лишь для того, чтобы поест и искупаться в море; а после того, как вернулись в Террено, Франческо ввел жену в специально купленную для нее на севере города виллу. Неожиданно он осознал, что Мальда стала для него тем, чего ему так не хватало на протяжении последних одиннадцати лет, когда он уехал из Америки и не видел родных, – жена подарила ему радость ощущения необходимости кому-то не из-за корыстных деловых отношений, а из-за обычной любви. А еще через год в их доме появилась дочь, Фернандина, внесшая в их жизни особый смысл...

В тот же год произошли еще два события, сделавшие из Франческо того, кем он стал впоследствии. Карло Гарцетти официально объявил ему, что отныне он может действовать самостоятельно. Единственное, что он попросил у своего бывшего *caporegime*, – чтобы, тот при необходимости помогал ему. Борзо такое обещание дал. И еще один подарок сделал дон Гарцетти Франческо: он познакомил его с Домиником Пальоли. Человек этот до недавнего времени был приближенным одного из влиятельных боссов преступного мира Палермо. Но после того, как у них возникли некоторые разногласия, Пальоли пришлось уехать на север страны. Карло Гарцетти сказал, что сам он не может взять Пальоли к себе, так как его связывают с человеком из Палермо кое-какие дела, и попросил Франческо принять Доминика. Поначалу Франческо отнесся к этому подарку настороженно – он не исключал возможности того, что дон Гарцетти преподносит ему троянского коня; но через какое-то время убедился в том, что поступок Карло Гарцетти был продиктован обычной заботой о давнем знакомом... Доминик Пальоли оказался настоящей находкой: по части умения управляться с людьми он не уступал самому Франческо, а в ведении боевых действий на улицах даже превосходил его – ведь свое обучение он проходил на Сицилии. У него были цепкость, которой не было у ле Гранды, и жесткость, отсутствовавшая у Эрбы. К тому же, он обладал феноменальной памятью. А это могло принести свои очки в том деле, которое задумывал Борзо.

В течение следующих трех лет Франческо занимался тем, что доводил созданную им систему до совершенства. Поставка и продажа наркотиков в Террено, работа подпольного казино, услуги проституток для жителей города – механизмы всех этих операций были отполированы до блеска и приносили стабильный доход. В системе управления своими людьми Борзо также создал строгую систему. Правда, он отошел от давних традиций, используя

ищихся испокон веков людьми, подобными Карло Гарцетти и его отцу, и не стал слепо копировать иерархическую структуру семейства Гарцетти. Возможно, причиной тому было то, что родившись и прожив восемнадцать лет своей жизни в Америке, он, хотя и жил сейчас на родине предков, так и не смог до конца перенять извечного уклада их жизни. Он не стал именовать себя доном. Для ближайших к себе людей он остался Франческо; для всех других стал синьором Борзо или капо. Также он отошел от традиций и в наименовании своих помощников. Армандо Эрбе, Луиджи ле Гранде и Доминику Пальоли, каждый из которых возглавлял отдельный отряд, он присвоил звание *saroiuto* – в отличие от традиционного уже среди мафиозных семейств *saroregime*. Также он отказался и от услуг классического *consigliere* – советника. Он решил, что со своими делами управится сам. Правда, он все-таки взял себе в помощники адвоката из Милана Рокко Траколло. Но человек этот выполнял скорее функции связи капо с законной властью Террено, а не являлся «изоляционной прокладкой» между ним и его *saroiuti*...

Все годы, пока шла шлифовка механизма по «отнятию» денег у жителей Террено, Франческо Борзо ждал момента, когда Амелико Пандора ослабит свои позиции, – для того, чтобы отобрать у него Золотой Бульвар. Если бы ему удалось сделать это, то Террено фактически оказался бы у него в руках. Но пока Пандора был силен, а после поражения четырехлетней давности – и осторожен. Однако Франческо ждал – он знал, что его время придет... И такой момент, в конце концов, наступил – в Турине между существующими там мафиозными кланами возникли небольшие трения. Это значило, что на время Пандора терял поддержку своего влиятельного родственника. Просчитав все возможные ходы соперника, Франческо встретился с ним, и предложил поделить Золотой Бульвар, а вернее, использовать его сообща. Пандоре такое предложение не понравилось. Золотой Бульвар оставался его главным источником доходов, поэтому, потеряв его, он лишился практически всякой власти в городе. Но предложение было сделано, и был получен отказ. Франческо Борзо приказал Эрбе и Пальоли начать войну.

Впоследствии события того времени стали именоваться Большим Переделом: в течение полутора месяцев каждые два-три дня на окраинах и в центре Террено звучали выстрелы и рядовые бойцы Пандоры и Борзо гибли один за другим. Не все из них попадали потом на кладбище – большинство нашли упокое на склоне Кальва-Монтанья. За два месяца Пандора потерял около трети своих людей; для Борзо результаты были более благоприятными, но все-таки не утешительными, – около пятнадцати человек не досчитались в отрядах Эрбы и Пальоли. Полиция официально зарегистрировала девять убитых, но о неучтенных трупах она, конечно же, знала. Знали в городе и о том, кто ведет эту войну. Кое-кто из официальных лиц Террено встретился с Борзо и намекнул ему, что подобная слава маленькому городку не нужна. Также ему сообщили, что если в ближайшее время в Террено не станет спокойно, может быть закрыто казино, а полиция ужесточит гонения на проституток и торговцев наркотиками в районе порта. Франческо понял, что за этими людьми стоит Амелико Пандора – таким образом тот решил нажать на соперника, видя, что открытую войну он проигрывает, – однако решил идти до конца. После того, как еще несколько его людей были убиты, Пандора запросил мир – состоялась еще одна их встреча с Франческо, результатом которой явилась договоренность, по которой одна часть района Золотого Бульвара отходила к Борзо, другая оставалась за Пандорой. Сам Золотой Бульвар становился своеобразной демаркационной зоной, на которой могли работать как люди Пандоры, так и люди Борзо...

Франческо расценил результаты передела, как победу. Следующие годы в Террено было затишье. Жизнь шла своим чередом, если не считать мелких стычек между противниками, которые никогда не приводили ни к чему серьезному. После того, как обстановка в Террено устоялась, Франческо поменял сферы контроля: Луиджи ле Гранде он отдал район Золотого Бульвара – самый маленький в его владениях, а Доминика Пальоли поставил на Вилла-

джо-Верде – после четырехлетнего «правления» там ле Гранде доходы с зеленичников и мелких лавочников стали меньше, чем раньше. Доминик Пальоли быстро выправил положение.

И все-таки Франческо понимал, что Амелико Пандора так просто не успокоится – слишком хорошо тот еще помнил время, когда две трети города принадлежали ему, и он правил в них безраздельно. Он будет ждать и когда-нибудь, решив, что пришло его время, начнет войну – возможно, последнюю между ним и Борзо...

...И вот, стоя этим утром перед зеркалом умывальника, Франческо думал о том, что близится час, которого Амелико Пандора ждал, наверное, последние шесть лет. Воспользовавшись исчезновением брата, он может начать новый передел Террено. Франческо интуитивно чувствовал это, хотя и не знал, действительно ли Франко Пандора исчез или его «исчезновение» подстроено его же братом для того, чтобы получить повод для начала войны. Но даже если это и дело рук Амелико Пандоры, то повод уже есть, и от этого никуда не деться...

В восемь утра встала Мальда. Пока жена готовила завтрак, уже побрившийся и принявший душ Франческо просмотрел через Интернет сегодняшние выпуски американской «Вашингтон пост» и итальянской «Луманита». Это был их маленький семейный ритуал: каждое утро Мальда самостоятельно готовила для него и дочери завтрак, в то время как Франческо читал газеты. Во-первых, это позволяло ему с самого утра настроиться на спокойный лад; во-вторых, таким образом, он мог быть в курсе того, что происходит в мире. Тем более что днем он вряд ли мог выкроить время на чтение газет.

В половине девятого они сели завтракать. Как всегда, Мальда накрыла стол на летней веранде. Через огромное стекло веранды открывался красивый вид на две лужайки ярко-розовых гиацинтов, разбитые перед домом. Между лужайками шла неширокая асфальтовая дорожка, ведущая к воротам ограды...

Когда Франческо сел за стол, на котором стояли тарелочки с уже нарезанным белым хлебом, маслом, кусочками дырчатого сыра и салями, на веранду вышла Фернандина. Она медленно подошла к отцу, поцеловала его в щеку, пробормотав: «Доброе утро, папочка!», и уселась на стул. Мальда налила себе и мужу черного кофе, дочери – кофе с молоком, и тоже села за стол.

Как всегда, первая минута завтрака прошла в молчании. Потом Мальда намазала на хлеб масло, вопросительно посмотрела на дочь и спросила:

– Нанда, не хочешь сказать папе, что сделала вчера вечером?

Фернандина взглянула на мать с недоумением – словно не понимая, что та имеет в виду. Франческо тоже посмотрел на жену.

– Вчера вечером, во время урока, она засунула лягушку в блузку мадам Дюшон, – сообщила Мальда, видя, что дочь не собирается признаваться.

Франческо отпил кофе и перевел взгляд на дочь. Мадам Дюшон была приходящей учительницей Фернандины, три раза в неделю дававшей ей уроки французского. Она была достойной дамой, так зачем же было запихивать грязную лягушку ей в блузку?

Франческо положил кусок сыра на хлеб, еще раз посмотрел на нахмуренные брови жены, подумав о том, что сегодня Мальда в плохом настроении с самого утра – возможно, виной тому ее месячные? – и спросил, обращаясь к дочери:

– Где ты ее взяла?

– Возле бассейна, – ответила Фернандина, настороженно поглядывая на отца и не зная еще, как он отреагирует на ее вчерашнюю выходку.

Немного подумав, Франческо сказал:

– Не делай этого больше, Нанда. Лягушка была грязная, ты могла подцепить какую-нибудь заразу.

Он положил на сыр кусочек салями и принялся не спеша откусывать от бутерброда.

– Хорошо, папочка, – ответила Фернандина и бросила на мать хитроватый взгляд. Какое-то время Мальда смотрела на мужа с недоумением, после чего спросила:

– И что? Ты ей больше ничего не скажешь?

– А что я должен сказать?

– Она запихала в блузку мадам Дюшон *лягушку*!

– Ну, хорошо... Я прикажу охранникам, чтобы они лучше следили за бассейном – не подпускали к нему Нанду одну.

– А причем здесь бассейн? – нахмурилась Мальда.

– Подумай сама, – ответил Франческо, не переставая поглощать бутерброд.

Через пару секунд Мальда посмотрела на мужа другими глазами – неожиданно она поняла, *что* он имеет в виду. Оказавшись в воде одна, Фернандина могла утонуть. Ведь ей всего девять лет, и хотя она умеет плавать, от несчастий не застрахован никто. Ведь известно, что и люди, переплывавшие Ла-Манш, тонули в обычном бассейне...

– Нанда, дай слово, что ты не будешь подходить к бассейну одна! – потребовала Мальда, переводя обеспокоенный взгляд на дочь.

– Угу, – выдавила Фернандина сквозь набитый рот и озорно подмигнула отцу.

Франческо уголком рта улыбнулся в ответ, но уже через мгновение его улыбка растаяла – словно мысленно он находился далеко отсюда и думал о чем-то неприятном...

Некоторое время Мальда и Фернандина обсуждали недавнюю поездку в Геную – две недели назад жена возила дочку к родителям. Нанда с увлечением вспоминала огромного дога, с которым играла в доме у бабушки... В середине их разговора Франческо перебил жену:

– Мальда, возможно, скоро вам придется опять съездить в Геную.

– Зачем? – до Мальды не сразу дошел смысл услышанного. Она посмотрела на мужа с беспокойством: – У тебя неприятности?

– Пока никаких. Но вам будет лучше уехать из Террено на пару недель.

– Когда?

– Может быть, даже сегодня... – Франческо перевел взгляд на дочь. – Нанда, хочешь снова поехать к бабушке?

– Конечно!

Губы Фернандины растянулись в улыбке, отчего стала видна дырка от недавно выпавшего зуба.

– Послушай... – Мальда собралась было что-то спросить, но в этот момент от ворот ограды послышался шум.

Франческо посмотрел в сторону ворот и увидел за резной решеткой ограды автомобиль. Из будки у ворот вышел охранник в форме садовника и подошел к решетке, рядом с которой уже находился второй «садовник». По дорожке от дома шел Бучи Баррио и говорил что-то охранникам в рацию...

Вскоре Баррио оказался у ограды. Один из охранников открыл ворота – стоящий за оградой автомобиль проехал на территорию поместья. Из остановившейся машины вылез Рокко Траколло и вместе с Баррио отправился к дому, быстро говоря ему что-то на ходу.

– Извини, Мальда, – Франческо перегнулся над столом и погладил жену по щеке, – я переговорю с Рокки и вернусь. Похоже, у него что-то срочное!

Мальда бросила на мужа еще один обеспокоенный взгляд, но тот уже встал из-за стола и вышел на улицу.

Когда двое мужчин подошли к дому, стоящий на крыльце Франческо спросил:

– Что случилось, Рокки?

Рокко Траколло, который и в свои тридцать пять лет сохранял мальчишескую стройность и рядом с Баррио выглядел почти подростком, быстро ответил:

– Приехал Тито Дамаччо. Он хочет видеть тебя.

- Дамаччо? – нахмурился Франческо. – Где он?
- В машине за оградой.
- С кем он?
- Один.
- Один? – удивился Борзо. – Чего он хочет?
- Насколько я понял, у него поручение от Пандоры.

На какой-то миг Франческо замер, обдумывая услышанное. Тито Дамаччо был одним из двоих сароегіте Амелико Пандоры. Насколько ему было известно, Дамаччо был параноидально осторожен. По этой причине он никогда и нигде не появлялся без пары вооруженных телохранителей. То, что сейчас он приехал к нему один, было настолько же необычно, как снег в июле... Впрочем, и сам приезд к нему Дамаччо был не менее удивителен. Если Франческо не изменяла память, в последний раз такое случалось лет шесть назад – когда Дамаччо приезжал к нему с предложением перемирия от Пандоры. Похоже, сейчас ситуация повторяется, подумал он, только на этот раз Дамаччо вряд ли пожаловал к нему с миром.

- Он сказал тебе что-то конкретное? – Франческо поиграл желваками.
- Нет. Заявил только, что ему нужно встретиться с тобой и передать послание от Пандоры.

Франческо напрягся и посмотрел в сторону ворот, возле которых стояли охранники.

- Что с Франко Пандорой? Нашли его?

– Нет, – качнул голову Траколло.

- Ладно, – Франческо немного подумал. – Я встречу с Дамаччо... Бучи, проверь его и проводи в беседку у бассейна.

Баррио кивнул и, развернувшись, отправился к воротам. Оставшись вдвоем, капо и его помощник какое-то время молчали, думая об одном и том же: приезд сароегіте Пандоры, наверняка, означал начало нового передела города. Только на этот раз инициатива исходила от Пандоры, а это сулило им немало неприятных сюрпризов.

Наконец, Франческо повернулся и не спеша пошел по дорожке, опоясывающей дом по периметру...

Спустя три минуты Бучи Баррио провел приземистого мужчину с копной черных волос по кольцевой дорожке, идущей вокруг двухэтажного особняка – от ворот до небольшой круглой беседки, увитой плющом. Франческо Борзо уже сидел в глубине беседки; за ним безмолвным изваянием застыл Траколло.

Когда Дамаччо оказался у входа, Франческо кивнул Баррио, и тот отошел на несколько шагов от беседки, не упуская при этом широкую спину сароегіте из виду и держа правую руку на поясе с пистолетом.

Франческо не стал предлагать Дамаччо садиться, а сразу сказал:

- Выкладывай: что у тебя!

Приземистый сароегіте смерил Борзо ничего не выражающим взглядом и ответил без паузы:

- Брата дона Пандоры не нашли... Дон Амелико Пандора предлагает вам встретиться с ним сегодня в половине одиннадцатого утра, в главном здании заброшенного монастыря!

Выдав это на одном дыхании, он замолчал.

Несколько секунд Франческо изучал лицо Тито Дамаччо, усеянное маленькими шрамами – следами некогда существовавших прыщей. Возле глаз и на мясистых щеках сароегіте проступали красные «червячки» – явные свидетельства того, что у этого человека проблемы с сердцем. Широкая фигура Дамаччо почти полностью перекрывала вход в беседку... Наконец, Франческо спросил:

- Это всё?

- Этого достаточно, – ответил Дамаччо, не скрывая холода в голосе.

Рокко Траколло покосился на капо. Он отлично понимал, о чем сейчас думает «синьор Франческо»: достаточно одного взмаха руки, и Бучи Баррио уведет Дамаччо в подвал дома. Таким образом, Амелико Пандора в считанные секунды потеряет треть своей мощи. Но это же будет означать, что ответственность за начало военных действий в Террено ляжет на Борзо. Впрочем, они начнутся в любом случае с вероятностью в восемьдесят процентов – слова Тито Дамаччо говорили об этом предельно ясно...

И все-таки Франческо Борзо не подал знака телохранителю. Сцепив пальцы в замок, он медленно проговорил:

– Передай Амелико, что я приду!

Дамаччо, ждавший ответа с видимым напряжением, но старавшийся не показывать этого, кивнул и, развернувшись, прошел мимо Баррио по направлению к воротам.

Когда два человека скрылись за домом, Рокко, нахмурившись, произнес:

– Это западня, Франческо!

– Я знаю, – кивнул Борзо. – Но в любом случае это должно было произойти. Раньше или позже – но должно было.

Посмотрев на часы, он добавил:

– А сейчас, Рокки, собирай сароaiuti. Через двадцать минут они должны быть здесь...

Глава семнадцатая

Сидя на подоконнике, Кавио Гольди смотрел в угол своего рабочего кабинета. Санти Эстебана и Тони Ризо гипсовыми изваяниями замерли за столом. Инспекторы были похожи на родственников тяжелобольного, пришедших в больницу узнать о состоянии пациента и уже по одному виду доктора понимающих, что ничего хорошего их тут не ждет. Оба приехали в комиссариат десять минут назад и по тому, что творилось в его вестибюле, поняли, что прошедшая ночь принесла им немало неприятных сюрпризов.

Марио Протти, с красными после ночного дежурства глазами, сидел между комиссаром и инспекторами и держал в руках кипу листов. Сейчас у него был такой вид, словно всю ночь он мотался по городу неизвестно за кем.

Гольди посмотрел на часы – было шесть минут девятого – и сказал:

– Давай, Марио. Рассказывай в хронологическом порядке!

Вытащив из кармана расческу, он принялся аккуратно зачесывать свои и без того безукоризненно уложенные волосы назад – прядь за прядью. Марио Протти бросил взгляд на комиссара, прокашлялся и, покосившись на инспекторов, сказал:

– За сегодняшнюю ночь было зарегистрировано шесть происшествий, касающихся непосредственно нас... – Заглянув в протокол, он прочитал: – Первый вызов был получен в шесть минут первого: кто-то услышал выстрелы в Викола Гарибальди и позвонил в комиссариат... Я выехал по адресу вместе с патрульными через минуту после получения вызова. На месте были в десять минут первого. В переулке нашли горящую машину, принадлежащую некоему Полу Кирски. Рядом с машиной обнаружили догорающий труп неизвестного. Самого Кирски нашли в том же переулке – он уползал от машины...

Марио покосился на комиссара, занятого расческой, и продолжил:

– Сейчас он в больнице. У него множественные порезы лица и рук, перелом трех ребер, вывих правой ноги. Я пытался говорить с ним, но он сейчас не в том состоянии, чтобы разговаривать, – у него что-то вроде временного помешательства: всё время твердит о каком-то монстре, который хочет убить его!

На мгновение Протти замолчал. Санти Эстебана взглянул на комиссара и, видя, что тот не проявляет инициативы, спросил:

– Где он так ободрался?

– Вывалился из машины.

– Из своей же собственной?

– Да... – Марио опустил лист на стол. – Человека, сгоревшего возле машины, пока не опознали.

Он нахмурился.

– Вообще здесь кое-что странное: от этого типа остались обугленные кости и несколько лохмотьев обгоревшей одежды. Но вот мяса на этих костях не было...

Неожиданно сидящий на подоконнике комиссар выронил расческу, и она упала на пол с резким хлопком. Ризо и Эстебана вздрогнули, подумав об одном и том же – о том, что произошло этой ночью на Чимитеро Нуово.

Подняв расческу, Гольди резко проговорил:

– Давай покороче, Марио!

Тот снова прокашлялся.

– Кирски имеет американское гражданство. Он сын одной шишки с циркониевого рудника. Есть основания полагать, что он работает на Пальоли...

Ризо и Эстебана с удивлением переглянулись. Всем им было хорошо известно, кто такой Доминик Пальоли, и чем он занимается в городе.

– ...Выстрелы, которые звонивший слышал в переулке, были произведены из пистолета Кирски. Пистолет – полуавтоматическую «беретту» – нашли у него же... Кости сгоревшего человека сейчас в лаборатории, но поверхностным осмотром уже установлено, что в него выпустили не меньше обоймы – у него прострелены ребра и череп. В самом автомобиле тоже есть пулевые отверстия. Судя во всему, и в сгоревшего, и в автомобиль стрелял именно Кирски.

Марио отложил в сторону протокол с описанием инцидента в Викола Гарибальди.

– Второй вызов был получен в 0.59 от некой Джей Адамс. Она американка, жена Тревора Адамса – менеджера циркониевого завода. Джей пришла домой вечером и нашла мужа, засунутым в чехол от спортивного тренажера. Заключение врача: Тревор Адамс был задушен в районе семи-восьми часов вечера. – Марио посмотрел на инспекторов – на лицах обоих проступила настороженность. – Но самое интересное не это. Со слов жены убитого, она знает, кто убил ее мужа. Она дала описание этого типа...

Марио нашел в протоколе нужное место и зачитал:

– *«Он молодой – лет двадцать, не больше. Одет в джинсы и синюю безрукавку. Волосы светлые...»*

На секунду Марио оторвался от протокола и посмотрел на инспекторов. Описание загадочного душителя, данное Джей Адамс, подействовало на них именно так, как он и ожидал: глаза Эстебана округлились, Тони Ризо сохранил самообладание – тем не менее, он также напрягся.

Гольди засунул расческу в карман рубахи, встал с подоконника и, усевшись за стол, сцепил пальцы в замок. В общих чертах он уже знал обо всем, что произошло этой ночью, поэтому слова Протти его не удивили. Секунду он молча рассматривал крышку стола, после чего мрачно выдавил:

– Марио, такими темпами ты будешь сдавать смену до одиннадцати... Говори коротко!

Марио Протти пожал плечами, словно отвечая: какая теперь разница, комиссар? То, что произошло этой ночью, само по себе из ряда вон выходящее событие; поэтому и передача смены сегодня настолько же походит на обычную передачу сводки, в которой самым серьезным происшествием фигурирует пьяная драка, насколько налетающий с океана шторм напоминает полуденный бриз. Все, находившиеся в кабинете, уже понимали, что ночь эта сломала привычный распорядок субботнего дня, и сегодня они будут работать не до обеда, как полагается, а до самого вечера, и возможно, Тони Ризо, который сегодня дежурит в ночь, будет делать это не один, а вместе со всеми. Так какой прок от слов комиссара?

– По словам Джей Адамс, вчера утром они с мужем сбили этого типа на Виа Роза, – продолжил Марио. – Удар был настолько сильным, что радиатор их автомобиля помялся. Они думали, что убили этого парня, но он не пострадал. Вместо того чтобы отправиться в больницу, вскочил на ноги и принялся угрожать Адамсам – сказал, что придет к ним вечером и убьет их обоих. А когда к месту происшествия подъехала патрульная машина, просто-напросто смылся оттуда! Свидетелем того, как Адамсы сбили того типа, был один-единственный человек... – Марио помедлил. – Доминик Пальоли!

Ризо и Эстебана выдохнули, во второй раз за утро услышав имя Пальоли, а Протти закончил:

– Пальоли убедил патрульных не составлять протокол, и они разъехались... Джей Адамс, по ее словам, весь день провела у своей портнихи и вернулась домой в начале девятого. Она выпила чаю и уснула перед телевизором, а проснулась от того, что видеомэгнитофон начал прокручивать пленку, записанную убийцей. Этот тип задушил ее мужа, запихал его в мешок для тренажера, а потом снял на пленку. Джей нашла мужа и упала в обморок. Когда же очнулась, позвонила нам.

– Он снял на пленку труп Адамса? – уточнил Ризо.

– Нет, мешок с трупом. И сделал предупреждение – о том, что в следующий раз придет за Джей.

Ризо и Эстебане переглянулись.

– Когда мы обследовали дом Адамсов, то не нашли машину, которой был сбит убийца, – продолжил Протти. – Джей дала мне ее описание. Сначала я решил, что ее муж отогнал автомобиль в мастерскую – выправить радиатор, – но ни в одной мастерской его не оказалось... Мы нашли машину два часа назад на Виа Роза – в том самом месте, где сбили светловолосого. Машина была пустая, а на водительском сидении лежала записка.

Марио оторвался от протоколов и взглянул на комиссара. Гольди поднял со стола клочок бумаги и прочитал:

– *«Джей, теперь твоя очередь. Я приду за тобой.»*

– То же самое было на пленке, – добавил Марио.

– Вот дьявол! – протянул Эстебане. – Он угнал машину Адамса?

– Точно – кивнул Протти. – Угнал от самого дома Адамсов, приехал на Виа Роза и оставил записку. Он знал, что машину найдут. – Марио пожал плечами. – По крайней мере, теперь у нас есть полный портрет, образец голоса и почерк этого типа.

Он взглянул на комиссара. Гольди смотрел в угол комнаты, уйдя в свои мысли.

Марио отложил протоколы допроса Джей Адамс на стол и сказал:

– В доме Адамсов мы не нашли следов убийцы. Складывается такое впечатление, словно он задушил Адамса, убрал за собой и ушел. Единственная необычная вещь в доме – пуля в стене гостиной. В кабинете Адамса мы нашли четыре неиспользованных патрона с точно такими же пулями. Но вся загвоздка в том, что ни у Тренора, ни у Джей Адамсов не было оружия. В доме мы также не нашли пистолет, из которого стреляли. Криминалист вытащил пулю из стены, сейчас она в лаборатории. Может быть, когда сделают ее анализ, что-нибудь прояснится. Пока же не установлено, кто стрелял и зачем... По этому делу у меня всё, – закончил Марио и добавил: – Джей Адамс побоялась ночевать дома, поэтому я привез ее сюда, и она переночевала в комиссариате.

– Правильно, – проворчал Эстебане. – Этот псих мог добраться до нее в доме!

– Точно, – кивнул Протти.

Взяв следующий лист, зачитал:

– Третий вызов... В 1.36 в комиссариат позвонил некто Джон Скотт – рабочий циркониевого завода. Они с братом и племянником возвращались из Милана – ездили за покупками. В километре от Террено, за обочиной трассы, заметили брошенный джип. Они остановились и обнаружили в машине человека с огнестрельным ранением. Брат Скотта имеет медицинское образование. Он сразу же понял, что тому парню нужна срочная помощь – тот потерял почти половину крови. Они отвезли его в больницу и оттуда позвонили нам. Одна патрульная машина сразу же отправилась на шоссе, другая – в госпиталь. Патрульным, приехавшим в больницу, пришлось ждать около часа – пока врачи заштопывали того типа. Пуля прошла навылет, но в теле остались два рваных отверстия. Когда их пустили к раненому, они его сразу же опознали. Это был Доминик Пальоли...

Тони Ризо с шумом выдохнул воздух, Эстебане же бросил:

– Пресвятая Дева Мария! Ну, и ночка!

Гольди, слушавший Марио краем уха, вспомнил, какая реакция была у него самого, когда он узнал о событиях этой ночи. Впрочем, сейчас он мог думать обо всем происшедшем относительно трезво, так как с того времени прошло два часа.

– ...Сейчас Пальоли в реанимации. Его подключили к системе жизнеобеспечения, поэтому раньше, чем через сутки, мы не узнаем, кто в него стрелял. – Марио поднял следующий лист. – Но с этим происшествием еще не всё... Когда патрульные добрались до джипа, они

обнаружили в нем оружие – две снайперские винтовки «рэммингтон». Обе винтовки недавно отстреляны – в обоих полные магазины, за исключением одного патрона.

Санти наклонился на стуле, словно хотел что-то сказать, но Марио предупреждающе поднял руку.

– Я не закончил... После того, как в джипе нашли винтовки, туда отправили еще пару патрульных и криминалиста. Я тоже съездил туда... Этот джип свалился в кювет перпендикулярно шоссе. Там есть небольшой съезд на проселочную дорогу – она ведет к заброшенным складам в полутора километрах от города. Картина складывалась такая, словно джип выехал с этой дороги, переехал шоссе и скатился под откос. Мы решили поискать следы и отправились по дороге. На самой дороге ничего не нашли, но вот на одном из складов...

На мгновение Марио замолчал.

– Что вы нашли? – спросил Ризо, вглядываясь в лицо Протти.

Тот прокашлялся и ответил:

– Трех человек: Просперо Черри, Сандро Чиголо и Нино Альбани. Все трое мертвы – застрелены из пистолета.

– Люди Пальоли? – спросил Ризо, но вышло это скорее как утверждение.

– Да.

– Похоже на начало нового передела города? – Ризо перевел вопросительный взгляд на комиссара.

Тот молча пожал плечами, а Марио пояснил:

– Все трое были застрелены из *одного* пистолета. В Пальоли также стреляли из этого оружия. А сам пистолет был зажат в руке Чиголо.

– Застрелил двух приятелей и застрелился сам? – недоверчиво осведомился Ризо.

– Картина складывается такая.

– Черт! Но тогда это действительно похоже на...

– *Позже!* – неожиданно Гольди оборвал инспектора. – Все версии потом, Тони!.. Сначала дослушайте до конца. Марио, продолжай!

Ризо недовольно нахмурился, а Протти продолжил:

– Во дворе возле склада остались свежие отпечатки колес двух машин. Одни принадлежат джипу, в котором нашли Пальоли; другие – неизвестной легковушке. Сейчас парни из дорожной полиции ее ищут... В самом складе полно следов, только картина с них получается непонятная. Можно подумать, что эти четверо имели там с кем-то серьезный разговор. Мы нашли стул с ошейником, скотч, ножи и утюг – полный набор для допроса с пристрастием. Не нашли только, *кого* допрашивали!

– Может, на этом стуле сидел один из убитых? – предположил Эстебане.

– Нет, они действовали в одной команде, – возразил Марио. – И вот что еще странно: складывается впечатление, словно их застрелили неожиданно для них же самих – всех, кроме Чиголо. Пальоли стреляли в спину, Альбани размозжили затылок. У одного только Черри раны в груди, но и он, видно, не ожидал, что в него выстрелят, – пистолет у него остался за поясом, а этот парень не из тех, кто раздумывает, когда на него наведен пистолет!

И Ризо, и Эстебане знали, кто такой Просперо Черри, и что он не стал бы медлить, увидев направленное на себя оружие. Похоже, его действительно застали врасплох.

– Чиголо действительно покончил с собой? – поморщился Ризо.

– На спусковом крючке отпечатки его пальцев, – пожал плечами Марио, – а выстрел произведен в упор – дуло к сердцу, ни одного шанса выжить.

– Значит, там был пятый, – констатировал Тони Ризо. – Человек Пандоры?

– Насколько нам известно, у Пандоры нет таких специалистов.

– Может быть, вызвал кого-то из Турина?

Марио пожал плечами, после чего оба посмотрели на Гольди. Комиссар, сгорбившись за столом, писал что-то на листе бумаги. Почувствовав на себе взгляды инспекторов, он бросил: – Дальше!

Марио Протти перевернул лист с протоколом и прочитал:

– В 2.33 труповозка выезжала в Викола Гарибальди во второй раз. Тот неизвестный, звонивший в комиссариат в начале первого, сказал, что слышал выстрелы не только в переулке, но и в одном из домов, – он назвал адрес... Когда мы приехали туда, то на дом внимания сначала не обратили – там такой костер полыхал... В общем, пока возились с машиной и Кирски, нам было не дома. В час я поехал на вызов к Адамсам и сказал криминалисту осмотреть дом. Вот выдержки из протокола осмотра подъезда...

Марио опустил лист на стол и принялся читать, водя пальцем по строчкам:

– *«На площадке между первым и вторым этажами обнаружены следы борьбы... Почтовые ящики вырваны из стены вместе с креплениями... Упаковочные коробки разбросаны по площадке... В стене подъезда, над почтовыми ящиками, обнаружены два пулевые отверстия...»*

Отодвинув бумагу, инспектор добавил:

– Еще две пули нашли в стене на втором этаже, а среди ящиков – головную рацию. В общем, впечатление складывалось такое, что там была нешуточная драка со стрельбой. Ребята опросили жителей дома, но, как всегда, никто ничего не слышал. Одна только старушка сказала, что слышала выстрелы в начале первого... Сначала парни решили, что в подъезде дрались Кирски и тот тип, что сгорел возле машины. Но потом они нашли гильзы. Кирски стрелял из полуавтоматической 93-ей «беретты». А в подъезде нашли гильзы от совсем другого оружия. Криминалист взял всё, что можно было найти, и хотел уже уезжать, но тут решил заглянуть в мусоропровод – мало ли что туда можно скинуть. Так вот, там лежали два трупа...

Эстебане вздрогнул, словно самолично заглянул в темный мусоропровод с трупами; Ризо же выдохнул, будто ожидал нечто подобное.

– ...Одного опознали на месте, другого – уже в морге. Это еще два человека Пальоли: Массимо Гильони и Андрео Патальи. Гильони задушен, у Патальи сломана шея и раздроблены кости лица – такое ощущение, словно кто-то саданул ему кувалдой по челюсти. Оружие нашли в том же мусоропроводе. В пистолете Патальи полная обойма; а вот из оружия Гильони стреляли шесть раз – кстати, в подъезде нашли гильзы от его пистолета. Если учесть, что в подъезде обнаружили только четыре пули, можно предположить, что тот, кто убил этих двоих, унес две оставшиеся в себе... Но вот что странно, – нахмурился Марио, – в подъезде не нашли крови. Только несколько капель на почтовых ящиках, но это кровь Патальи. Правда, на лестнице нашли костные ткани с волосами, облепленные каким-то «воском»...

Эстебане, смотревший до этого в пол, метнул быстрый взгляд на комиссара. Гольди посмотрел на инспектора и едва заметно кивнул, давая понять, что подумал о том же.

– ...Сейчас все материалы в лаборатории, а трупы в морге, – закончил Марио. – Когда их исследуют, станет ясно, что это такое.

– Похоже на настоящий отстрел людей Пальоли? – протянул Ризо, задумчиво глядя в окно.

– И, наконец, последнее, – сказал Марио, коротко взглянув на Гольди. – Убийство в церкви Санта Мария Аквилония. Комиссар выезжал на место...

Ризо и Эстебане напряглись, внимательно слушая коллегу, – похоже, последнее происшествие в корне отличалось от предыдущих.

– ...В десять минут седьмого один из священников церкви пришел в Санта Марию Аквилонию, но ее главные двери оказались закрыты. Такого за всю его службу не случалось ни разу. Он постучал, но ему не открыли. По его словам, с вечера в церкви оставался настоятель храма, отец Винченцо Бокаччи. Священник попробовал попасть в церковь через одну из боковых

дверей. Одна из них оказалась запертой, а вот другая была открыта. Он вошел в церковь и сразу же увидел настоятеля!..

Слушая Марио, Гольди припомнил, как два часа назад его разбудил телефонный звонок...

...Когда он взял трубку, то услышал голос Марио Протти – инспектор начал издали, сказав, что знает о том, что комиссар знаком с отцом Винченцо из церкви Санта Мариа Аквилония – ведь комиссар посещает именно эту церковь?..

Когда он потребовал, чтобы Марио переходил к сути дела, тот помедлил и сообщил, что только что отца Винченцо обнаружили мертвым... Гольди подъехал к Санта Марии Аквилонии через десять минут. Перед полтораметровым крыльцом церкви стояли медицинская машина и два полицейских автомобиля с работающими мигалками. Было в этом что-то противоестественное, что-то неправильное, на взгляд комиссара. Он приказал водителям выключить мигалки и отогнать машины к боковому входу.

Когда он оказался внутри церкви, то сразу увидел зловещую картину: отец Винченцо лежал недалеко от главного входа храма в луже собственной крови. Марио Протти сохранил картину происшедшего нетронутой до приезда комиссара. В памяти Гольди, словно на фотографическом снимке, отпечатались тело священника, лежащее возле скамьи в неестественной позе – с вывернутыми руками и подвернутой под себя ногой; осколки деревянного распятия, усыпавшие пол возле убитого; бурые капли крови, засохшие на одной из кальварий, изображающих бредущего на Голгофу Христа... Отец Винченцо был убит непонятным образом – словно голову его расплющили заводским прессом. Зрелище было ужасным – тем более, что Гольди действительно хорошо знал священника.

Он не смог долго смотреть на труп, а прошел к алтарю, возле которого стоял Марио. Инспектор сразу же показал ему разбитый витраж под сводом церкви. Располагался он на высоте двенадцати метров от пола, и по тому, как цветные осколки усеяли скамьи, было понятно, что убийца проник в церковь через этот самый витраж. Гольди переговорил со священником, обнаружившим труп настоятеля, и с его слов установил, что отец Винченцо с вечера оставался в храме один, но никакого беспокойства не проявлял. «Совершенно не понятно, – добавил священник, – кому понадобилось убивать такого мирного человека?..»

Стоя перед статуей Святой Марии и глядя на усеянный разноцветными осколками алтарь, Гольди вспомнил отца Винченцо, идущего по площади к муниципалитету. В его голове промелькнуло: зачем он туда приходил?..

– ...Сила сжатия была такова, что череп настоятеля лопнул, как переспелый арбуз, – говорил в это время Марио. – По заключению врача, человек на такое не способен.

– Вот дерьмо! – выдохнул Эстебане, глядя на побелевшие костяшки своих стиснутых пальцев.

– И последнее, – закончил Протти. – Возможно, к нам это отношения не имеет, но все-таки... Час назад какой-то бродяга едва не попал под колеса патрульной машины – мчался как угорелый от пустыря на юге города. Когда патрульные поймали его, заявил, что только что видел в заброшенном доме возле Чимитеро ди Джовани обугленные кости человека. Патрульные ему не поверили, но когда приехали туда, действительно нашли кости. Но это, скорее всего, дело рук бродяг или секстантов. Наверное, раскопали какую-нибудь могилу на кладбище и развлеклись с останками. Череп пробили и сожгли в ведре. Руки и туловище тоже сожгли, но отдельно друг от друга... Это всё!

Марио посмотрел на Гольди...

Какое-то время комиссар молча водил карандашом по листку. Потом отложил его в сторону:

– С этого момента я снимаю с вас все дела по задушенным. Вчера вечером мы получили неопровержимые доказательства того, что все убийства совершил один человек. Поэтому я объединяю дела и буду вести их сам. – Гольди поднял взгляд на инспекторов. – Теперь о вас... Сегодня и завтра работаем полный день. Марио, ты сейчас едешь домой. Отдыхай, но в четыре часа я жду тебя здесь!

– Комиссар, но я еще не оформил бумаг...

– Смену мы у тебя приняли, – Гольди поморщился. – Всё, Марио. Езжай домой!

Протти аккуратно сложил протоколы на край стола и, пробормотав: «Я буду в четыре», поднялся и вышел из кабинета.

Когда дверь закрылась, Гольди посмотрел на Ризо:

– Тони, ты сегодня в ночь?

Ризо кивнул.

– Ладно, до вечера еще далеко. Сейчас о делах... – Комиссар поднял лист и посмотрел на свои записи. – Итак, у нас четыре эпизода: перестрелка в Викола Гарибальди, убийство Тревора Адамса, бойня на «складе» и убийство в Санта Марии Аквилонии... – Гольди взглянул на инспекторов. – Тони, ты хорошо знал отца Винченцо?

– Нет, – Ризо качнул головой.

– Хорошо. Тогда ты берешь на себя убийство в церкви.

Комиссар сделал пометку на листе. Ризо хотел было что-то сказать, но Гольди опередил его:

– Теперь по «складу». Криминалистам там работы еще на полдня, поэтому это терпит. «Складом» займется Марио после обеда. Далее – остаются переулок и Адамс. – Гольди перевел взгляд на Эстебана. – Санти, переулок твой!

Эстебана молча кивнул.

– Я беру на себя Адамса, – сказал Гольди, – тем более, что это связано с убийствами бродяг. Теперь по деталям. Что ты хотел сказать, Тони?

Ризо осторожно прокашлялся:

– Комиссар, я тут подумал: может, мне лучше заняться «складом» или переулком? Мне кажется, эти два случая связаны и выведут нас на что-то большое.

– Нет, – сказал Гольди. – Ты берешь дело об убийстве священника.

– Но, комиссар...

– Тони, ты занимаешься убийством священника! – медленно, но жестко повторил Гольди. – У нас в городе пять церквей. До обеда ты должен опросить священнослужителей всех пяти. Выясни, не имел ли отец Винченцо недоброжелателей среди других священников или прихожан. Поработай с криминалистом – все образцы, собранные в церкви, должны быть изучены...

Видя явное недовольство, светящееся в глубине глаз инспектора, Гольди добавил:

– Поверь, Тони, это дело не менее важно, чем убийство людей Пальоли в переулке и на «складе»; а возможно, оно даже связано с ними!

На лице Ризо отразилось удивление, комиссар же пояснил:

– Тони, я это *чувствую*!.. А по церкви – обрати особое внимание на всё необычное, что обнаружит криминалист. Возможно, на осколках стекла или на одежде отца Винченцо он найдет вещество, похожее на парафин. Если это случится, свяжись с доктором Скалой и передай ему образцы для изучения.

Ризо и Эстебана посмотрели на комиссара с легким удивлением. Впрочем, причина этого удивления была у них разной.

– Действуй, Тони, – сказал комиссар. – После обеда ты должен представить мне показания священников всех пяти церквей. И еще: направь пару патрульных по домам возле Санта Марии Аквилонии – пусть спрашивают, не слышал ли кто-нибудь ночью шум. Тот витраж

должен был разбиться с грохотом – странно, что никто не позвонил в полицию уже этой ночью. Если такие найдутся, пусть укажут точное время.

Когда Ризо поднялся со стула и направился к двери, Гольди, словно вспомнив о чем-то, добавил:

– Да, Тони... Прежде, чем отправишься в церковь, загляни в муниципалитет. Вчера я видел, как отец Винченцо заходил туда после обеда. Узнай, что он там делал. Может, это нам поможет? Как узнаешь, сообщи мне!

Ризо кивнул и вышел из кабинета.

Когда шаги его стихли за стенкой, Эстебане спросил:

– Комиссар, вы считаете, что те, кто убил людей Пальоли в Викола Гарибальди, отца Винченцо в Санта Марии Аквилонии, и душитель бродяг как-то связаны между собой? Я имею в виду этот «воск». Вы ведь не просто так упомянули его?

Несколько секунд Гольди барабанил пальцами по столу, после чего сказал:

– Вот что, Санти... Вчера ночью, после того как вы с Тони поехали домой, мы с доктором Скалой отправились в больницу, и он провел анализ того, что мы нашли на кладбище. Так вот, он обнаружил на кусках мяса тот самый «воск», который оставил убийца под ногтями задушенных, – на останках всех четырех трупов...

Эстебане в изумлении выдохнул.

– ...Сейчас Скала проводит подробный анализ этих образцов, но то, что под ногтями задушенных людей и на останках трупов найдено одно и то же вещество, – установленный факт. Я еще не знаю, что за «воск» нашли в Викола Гарибальди, но не удивлюсь, если и *он* окажется тем же самым веществом!

– Но что это значит, комиссар? – спросил Эстебане.

Гольди пожал плечами:

– Не знаю, но вот что я думаю... Вряд ли в городе действует один лишь душитель. Смотритель Чимитеро Нуово сказал, что кости из могил доставали *несколько* человек. Значит, и в деле с «воском» замешано *несколько* неизвестных. Я сомневаюсь, что все убийства этой ночью совершил один человек. Скорее всего, убийц было несколько. Возможно, один из них убил Тревора Адамса; другой – людей Пальоли в Викола Гарибальди; третий – отца Винченцо...

Неожиданно комиссар замолчал. Санти Эстебане потер переносицу:

– А на «складе»?

Гольди притянул к себе пачку листов, оставленных Марио Протти:

– Марио описал происшедшее в общих чертах. Кое-что он упустил, но это есть в протоколе... На «складе» у убитых нашли несколько головных раций – точно таких же, какую нашли в подъезде дома на Викола Гарибальди. Радиус действия этих раций – около трех километров. Между Викола Гарибальди и «складом» – больше пяти. Это значит, что до какого-то момента времени все люди Пальоли действовали сообща – общались по рациям, – но потом разделились.

– За кем-то следили?

– Возможно... И возможно, тех, за кем они следили, было больше одного. Ведь в джипе Пальоли нашли две снайперские винтовки, в каждой из которых недостает по патрону. Если бы они следили за одним человеком, то и обошлись бы одной винтовкой.

– Комиссар, вы хотите сказать, что на «складе» и в переулке были разные убийцы?

– Скорее всего. Иначе придется предположить, что неизвестный, убивший людей Пальоли в переулке, тут же поехал на «склад» и застрелил там четырех человек. Но тогда возникает много непонятного... Что за тип сгорел в Викола Гарибальди? Был ли он убийцей тех двоих человек в доме или действовал вместе с ними? Почему люди Пальоли разделились? Кого допрашивали на складе Пальоли и его подручные? И, наконец, в кого были выпущены те две пули из снайперских винтовок?

Несколько секунд Санти Эстебана сидел неподвижно.

– Это самое странное дело, о каком я когда-либо слышал, комиссар... – протянул он ошеломленно и добавил: – Я думаю, что показания жителей того дома вряд ли что-нибудь нам дадут?

Гольди кивнул.

– Тогда самым важным свидетелем остается тот парень – Пол Кирски. Только с его слов можно узнать, кто застрелил его сообщников в доме?

– Да, – согласился комиссар, – но он сейчас отвечать не в состоянии – так же, как и Пальоли. Однако времени мы терять тоже не можем, поэтому, – Гольди сделал пометку на листе, – работать начинаем немедленно... Санти, ты сейчас съездишь в лабораторию, куда увезли образцы, собранные в переулке, возьмешь остатки костных тканей с «воском» и отвезешь их в больницу Скале. Пусть он их исследует. Это в первую очередь. Потом займешься машиной и останками сгоревшего типа. Но «воск» – в самую первую очередь!

Эстебана кивнул и поднялся.

– Сделай всё быстро! – добавил Гольди. – В течение часа я допрошу смотрителя. Возможно, он скажет что-нибудь интересное – тогда мне понадобится твоя помощь.

– Хорошо, комиссар, – Эстебана повернулся, собираясь выйти из кабинета.

– Подожди! – остановил его Гольди. – Спустись вниз и узнай в дежурке, где Джей Адамс, – она должна находиться в здании. Как найдешь, проводи ее ко мне. Потом можешь заниматься делами!

– Ладно, – Санти вышел из комнаты.

Оставшись один, Гольди какое-то время сидел неподвижно, глядя на дверь кабинета. Наконец, посмотрел на лежащий перед ним лист бумаги. Взгляд его скользнул по выписанным в колонку именам, и внезапно он ясно почувствовал, как в который раз за утро по телу его прокатывается озноб...

Восемь человек убиты за одну ночь в Террено. Пять из них – люди Пальоли. Сам Доминик Пальоли и один его человек ранены. Никаким совпадением то, произошло в Викола Гарибальди и на складах Ганини, объяснить невозможно, – это действительно похоже на целенаправленный отстрел. Но неужели, Тони Ризо прав, и это начало нового передела города?

Гольди хорошо еще помнил события шестилетней давности: тогда выстрелы на улицах звучали чуть ли не каждую ночь, а по утрам патрульные машины подбирали свежие трупы. Сейчас ему меньше всего хотелось, чтобы это повторилось опять... «Но, может быть, это все-таки что-то другое?» – промелькнуло вдруг в сознании комиссара. Ведь этой же ночью были убиты священник и менеджер американской компании. Причем убиты не в уличной перестрелке: священник – у себя в церкви; американец – в своем собственном доме. Да и способы их убийства отличаются от того, как умерли люди Пальоли на «складе»: Тревор Адамс задушен, а у священника смята голова...

Неожиданно Гольди вздрогнул. Он вдруг поразился определению, возникшему у него: голова священника была *смята*!.. Не разбита или раздроблена. Смята. Для того чтобы сделать это, нужно обладать чудовищной силой. Сами собой в сознании комиссара всплыли слова Марио Протти о том, как умер один из людей Пальоли: *«У Андрео Патальи сломана шея и раздроблены кости лица – такое ощущение, словно кто-то саданул ему кувалдой по челюсти...»* А его напарник, Массимо Гильони, задушен. Точно так же, как и Тревор Адамс. Точно так же, как семнадцать бездомных бродяг на протяжении последней недели... Умберто Скала нашел воскообразное вещество на ногтях трех задушенных бродяг. Что это за вещество, доктор определить не смог. Он лишь сказал, что это мертвая органика, не принадлежащая ни одному животному организму. Сегодня ночью они нашли такое же вещество в могилах на Чимитеро Нуово. Это открытие было не менее поразительным, чем то, *на чем* нашли этот «воск». Смотритель сказал, что кости двенадцати покойников вытащили из могил неизвестные люди. Настро-

ены они были решительно, судя по их угрозе убить жену старика. Но имеют ли они отношение к тому, что произошло этой ночью? В подъезде дома в Викола Гарибальди нашли костную ткань с остатками воскообразного вещества. У них еще не было анализа этого «воска», но Гольди уже был почти что уверен, что это то же самое вещество, что обнаруживал Скала.

Комиссар устало потер виски и поднялся из-за стола.

Событий за одну ночь произошло слишком много. Они развивались лавинообразно и были похожи на огромную снежную массу, сходящую с гор, сметающую на своем пути всё мелкое и незначительное: дома, деревья, людей...; и для того, чтобы понять происшедшее, ему самому необходимо отрешиться от мелкого и постараться охватить всю картину единым взглядом... Однако сейчас он чувствовал, что пока этого сделать не в состоянии. Ему нужно время, чтобы разобраться со всеми фактами и сделать хоть какой-то правдоподобный вывод о происшедшем.

Убийство восьми человек за одну ночь – само по себе чрезвычайное событие. Но еще больше оно осложняется странными подробностями. Четыре патрона с запрещенными пулями нашли в доме Тревора Адамса, пятую – в стене гостиной. Но у Адамсов никогда не было оружия... Главная дверь церкви Санта Мария Аквилония в ночь убийства оказалась запертой, а ведь Гольди, как и любой прихожанин этой церкви, знал, что ночью эту дверь оставляют открытой. Убийца же проник в церковь, разбив ее верхний витраж... Два человека на «складе» были убиты так, словно не ждали, что в них будут стрелять; третий пустил себе пулю в сердце... Наконец, в Викола Гарибальди нашли обугленный скелет человека, на котором не оказалось ни единого куска мяса. Кости скелета были прострелены не менее десяти раз. А единственный выживший в Викола Гарибальди твердит о каком-то монстре, пытавшемся убить его ночью!..

Стоя у окна, Гольди чувствовал, как волны противного озноба, похожие на прикосновения щупальца осьминога, прокатываются по его позвоночнику. Глядя на площадь перед комиссариатом, он неожиданно вспомнил то, что случилось под утро... Когда он отвез Скалу домой и вернулся к себе, то лег спать, но долго не мог уснуть, ворочаясь с боку на бок и думая о том, что произошло на кладбище. В конце концов, он уснул, но через какое-то время проснулся и почувствовал странное, непреодолимое желание подойти к окну. Он поднялся с кровати, пересек комнату и оказался у окна, выходящего на темную улицу. С минуту неподвижно стоял и смотрел в угольную черноту, разбавленную желтыми пятнами фонарей. Затем на какой-то миг вдруг почувствовал то же самое, что ощутил, когда уезжал с Чимитеро Нуово: темнота за окном представилась ему вдруг огромным чудовищем – способным думать и чувствовать, жить по своим законам и ждать. На секунду ему даже показалось, что он слышит зов, идущий из темноты, со стороны Кальва-Монтанья... Разбуженный звонком Марио, он решил, что ночное стояние у окна было сном. Но теперь он вдруг понял, что это было на самом деле, и что тихий голос, звучащий из темноты, действительно *звал* его...

Наклонившись к окну, Гольди сжал подоконник с такой силой, что побелели костяшки пальцев. В сознании его обозначились вдруг два слова: «восковой монстр»... Этот монстр пытался убить Пола Кирски и Доминика Пальоли; он же убил отца Винченцо, Тревора Адамса и людей Пальоли. Этот монстр, одетый в синюю футболку и джинсы, задушил семнадцать бродяг и разгуливает по Террено. Но какое отношение имеют к нему похитители костей на Чимитеро Нуово? Чьи кости нашли в Викола Гарибальди? И чьи кости сожгли в заброшенном доме у Чимитеро ди Джовани?!

Гольди вздохнул, поняв, что не может решить эту головоломку. Ему нужны новые факты. И прежде всего, ему нужны показания Доминика Пальоли и Пола Кирски. Но сейчас они под присмотром врачей, так что раньше вечера он вряд ли получит от них показания. Действовать же ему нужно немедленно.

Сев за стол, он постарался отбросить терзавшие его мысли в сторону и набрал номер Скалы. Несколько секунд слушал гудки – доктор не отвечал. «Наверное, занят осмотром привезенных ночью трупов,» – промелькнуло в его голове.

Гольди решил перезвонить доктору позже и, придвинув к себе папку с бумагами, принялся изучать протоколы...

Через минуту из коридора послышались звуки приближающихся шагов. Вскоре в дверь постучали.

– Войдите! – сказал комиссар.

Дверь отворилась, пропуская в кабинет Санти Эстебана и невысокую черноволосую женщину. Лицо у нее было осунувшееся, словно всю ночь она разрывалась между сном и бодрствованием; вокруг глаз залегли синие тени. Однако даже сейчас было видно, что она одна из тех женщин, что заставляют мужские сердца биться сильнее при одном лишь взгляде на них.

– Это Джей Адамс, комиссар, – сказал Эстебана и, повернувшись, добавил: – Я пошел?

– Да, – кивнул Гольди. – Возьми образцы костей с «воском» и сразу отправь их Скале!

– Я помню, – ответил инспектор, уже выходя из кабинета.

– Садитесь! – предложил Гольди, указывая Джей Адамс на стул.

Женщина села, сложив руки под грудью. По одному ее виду комиссар понял, что чувствует она себя неуверенно. «Впрочем, как еще она должна себя чувствовать?» – подумал он. Ведь и полусуток не прошло, как она нашла своего мужа засунутым в мешок от спортивного тренажера.

– Джей, – начал он, – меня зовут Кавио Гольди. Я комиссар и буду вести дело об убийстве вашего мужа!

Женщина молча кивнула и обвела кабинет тусклым взглядом. Гольди увидел, что взгляд ее остановился на стоящем на подоконнике графине с водой.

– Хотите воды? – спросил он и, вытащив из стола чистый пластиковый стакан, наполнил его.

В тот момент, когда он протянул стакан Джей, на столе зазвонил телефон. Джей взяла протянутый ей стакан, а Гольди поднял трубку и бросил:

– Да, слушаю?

– Комиссар, это Тони, – раздалось в трубке. – Я звоню из муниципалитета.

– Ну, что у тебя?

– Я установил, зачем отец Винченцо приходил вчера днем в муниципалитет, – сообщил инспектор. – Он взял в архиве копию одного документа начала века.

– Что за документ? – спросил Гольди. Повернувшись к окну, бросил взгляд на серое здания муниципалитета, расположенное на противоположной стороне площади: где-то в глубине этого здания сидел сейчас Тони.

– Секунду... – В трубке повисла короткая пауза. Затем Ризо сказал: – Он попросил сделать копию с *«Закона об уничтожении бродячих собак на территории города Террено и в его окрестностях»*.

– Закон об уничтожении собак? – удивленно переспросил комиссар. – Что еще?

– Это всё... Он запросил этот документ, ему сделали ксерокопию, и он ушел.

Ризо замолчал.

Какое-то время Гольди пытался соотнести услышанное с тем, что ему было известно. Загадочная смерть священника в церкви и закон об уничтожении собак в Террено. Может ли здесь быть какая-то связь?... Несколько секунд он пытался нащупать ниточку, связывающую смерть отца Винченцо и его поход в муниципалитет, а потом решил, что связи здесь быть не может. «Наверняка, это «холостой» выстрел», – подумал он про себя и сказал:

– Ладно, Тони, спасибо! Занимайся священниками – к обеду мне нужны их свидетельства!

– Хорошо, – ответил Ризо и отключился.

Гольди тоже опустил трубку, отвернулся от окна и взглянул на замершую напротив Джей Адамс. «Каково это: потерять мужа?» – промелькнуло вдруг у него в голове.

На мгновение он подумал о своих близких. Сейчас его сын и жена далеко от Террено – возможно, это и к лучшему. Почему-то его не покидало странное ощущение, что этот город стоит на пороге невиданной катастрофы.

Поежившись, комиссар придвинул к себе протоколы:

– Ну, ладно, давайте начнем, Джей!..

Глава восемнадцатая

Без пяти девять к вилле Франческо Борзо подъехали четыре легковые машины. Когда охранники открыли ворота, автомобили проехали на территорию поместья, развернулись на неширокой площадке перед воротами и остановились, полностью блокируя доступ в поместье со стороны улицы. Затем из трех машин вышло полтора десятка человек. Подавляющее большинство из них оказались молодыми людьми не старше тридцати лет – хорошо одетыми и крепко сложенными. Бучи Баррио, наблюдавший за въезжавшими во двор машинами, подошел к одному из остановившихся автомобилей, и когда из него выбрались Армандо Эрба и Луиджи ле Гранде, приветствовал их. Затем он подозвал одного из охранников, одетых в форму садовника, и приказал ему проводить сароаіуті к Рокко Траколло. Сам он принялся расставлять вновь прибывших бойцов ле Гранды и Эрбы в боевой порядок по периметру виллы.

Охранник быстро провел двух сароаіуті вокруг дома к небольшой беседке, расположенной недалеко от бассейна, и исчез в направлении ворот. Войдя в беседку Эрба и ле Гранде увидели помощника капо – Рокко Траколло сидел на скамейке, идущей по окружности беседки, и разговаривал с кем-то по мобильному телефону. Заметив сароаіуті, он кивнул им, но разговор не прервал. Эрба опустился на скамейку напротив Траколло; ле Гранде остался стоять у входа, нервно поглядывая на часы.

Спустя полминуты Рокко закончил разговор и обернулся к сароаіуті.

– Что стряслось, Рокки? – нетерпеливо выдохнул ле Гранде. – Зачем нас выдернули в такую рань?

Рокко Траколло не спеша набрал следующий номер и сказал с полуутвердительной интонацией:

– Вы не нашли Франко Пандору?

Сароаіуті переглянулись; после чего Луиджи ле Гранде ответил:

– Нет... Его нигде нет!

– С утра сюда приезжал Тито Дамаччо, – сообщил Рокко. – Он передал капо слова Амелико Пандоры – тот назначил встречу в заброшенном монастыре... – адвокат взглянул на часы, – через час тридцать пять.

Ле Гранде нервно поморщился – он, как и Эрба, прекрасно понял, что означает эта встреча.

– Где капо? – спросил Армандо.

– В доме.

– Доминика уже вызвали? – выдавил ле Гранде.

Рокко Траколло посмотрел на высокого сароаіуті с легкой укоризной во взгляде – словно спрашивая: неужели в такой момент он мог бы забыть о Доминике Пальоли? Затем он нахмурился:

– Я нигде не могу его найти: его личный телефон не отвечает; жена сказала, что дома он не ночевал... Я пытался разыскать его через помощника, но тот тоже как сквозь землю провалился.

– Одно к одному! – процедил ле Гранде, мрачняя от последнего известия.

Армандо Эрба внимательно выслушал Рокко и, когда тот закончил, сказал:

– Вчера вечером Доминик приезжал ко мне. У него в отряде пропал один парень – Дик подозревал, что к его исчезновению причастны два типа, ездившие на «феррари». Он попросил у меня снайперов, и я дал ему двух ребят... Они вернулись сегодня в полночь – рассказали, что весь вечер просидели в каком-то магазине в Викола Гарибальди с тремя парнями Доминика, следили за квартирой с двумя типами. Часов в десять вечера к ним приехал третий. Они погрузили в машину ковер с трупом исчезнувшего.

– Парня Доминика? – уточнил Рокко.

– Да, – кивнул Эрба. – После этого один тип остался в квартире, а двое отправились на Чимитеро ди Джовани. Мои ребята и парни Дика поехали за ними. На кладбище снайперы подстрелили обоих, причем одного – завалили. После этого люди Доминика перенесли выжившего в машину и уехали с кладбища. На выезде из города Доминик высадил моих ребят, а сам отправился на юг: как я понял с их слов – на «склад».

Когда замолчал Эрба, в беседке на короткое время повисла тишина: Луиджи ле Гранде смотрел на Армандо с удивлением; во взгляде Траколло светилась тревога... Наконец, Рокко сказал:

– Я не знал этого!

Он быстро сбросил набранный номер, по которому хотел, очевидно, говорить с кем-то из своих осведомителей, и набрал другой.

В этот момент на дорожке, ведущей от дома, показался капо. Франческо Борзо обогнул бассейн, вошел в беседку и, кивнув сароaiuti, спросил:

– Что с Домиником?

– Сейчас я пробую еще один вариант, – ответил Траколло. – Армандо только что рассказывал кое-что новое!

Развернувшись впол оборота к присутствующим, Рокко принялся разговаривать с кем-то по телефону. Тем временем Эрба повторил капо то, что рассказывал минуту назад Траколло... Закончил он фразой:

– Доминик сказал, что разговаривал с тобой об этом деле?

Капо, нахмурившись, подтвердил:

– Да... Вчера он приезжал ко мне, сказал, что у него пропал человек и что он знает, кто причастен к его исчезновению. Правда, я не поверил ему, но разрешил действовать на свое усмотрение. Он сказал, что один из его людей видел в городе двойника Гарроты... – Эрба и ле Гранде с недоумением переглянулись. – Это человек Доминика, которого застрелили два года назад. Помните случай на Золотом Бульваре?

Брови Армандо Эрбы двинулись к переносице; Луиджи ле Гранде нервно посмотрел на часы.

– Конечно, это не может быть *сам* Гаррота, – продолжал капо, – но то, что здесь что-то не чисто, понятно!

В этот момент Рокко Траколло, говоривший по телефону, сказал:

– Повтори еще раз!..

Борзо и сароaiuti повернулись к Траколло. Чем дольше тот слушал то, что говорил ему невидимый собеседник, тем больше мышцы его лица каменели. Наконец, Рокко медленно опустил телефон и взглянул в глаза капо.

– Ну, что?! – спросил Борзо.

– Я разговаривал с нашим человеком из прокуратуры, – Рокко достал из кармана платок и вытер им выступивший на лбу пот. – Доминик в реанимации городской больницы – сегодня ночью его подстрелили. Кроме того, убили пятерых человек из его отряда!..

Луиджи ле Гранде, с шумом вздохнув, опустился на скамейку рядом с Армандо. Мышцы на лице Эрбы одеревенели.

Борзо поиграл желваками:

– Почему об этом не сообщили сразу же, как это случилось?

– В полиции засекретили всю информацию о происшедшем, – тихо ответил Рокко. – Я звонил в комиссариат, но ни одного нашего человека на месте не оказалось. Удалось узнать только через прокуратуру.

Несколько секунд в беседке висела полнейшая тишина. Наконец, Эрба сказал:

– Это война, Франческо! Они начали без всяких предупреждений – с Доминика!..

С минуту Борзо молчал, уставившись в угол беседки. Все собравшиеся понимали, о чем сейчас думает капо: как всё неудачно сложилось. Если бы информация о Доминике поступила к ним хотя бы на полчаса раньше, Тито Дамаччо мог бы сейчас сидеть в подвале виллы, а Амелико Пандоре срочно бы пришлось искать кого-то на место своего выбывшего *caporegime*. Потеря Дамаччо значительно бы ослабила силы Пандоры, но всё вышло иначе...

– Вот что, – взглянул на помощника Борзо. – Рокко, свяжись с людьми Доминика! Если потребуется, отряди в Вилладжо-Верде Бучи – он соберет их. Через полчаса мне потребуются все резервы!

Рокко кивнул и взялся за телефон. Тем временем капо взял стоящий в углу беседки пластиковый столик, поставил его на середину беседки и вытащил из кармана небольшую топографическую карту. Разложив ее на столе, кивнул сароаііті. Те поднялись со скамейки и шагнули к столу.

– Кто из вас знаком с этим монастырем? – спросил Борзо.

Ле Гранде покачал головой; Эрба же сказал:

– Я бывал там несколько раз. Это обычные развалины: шесть зданий, обнесенных стеной, – прямоугольник метров сто на восемьдесят. Вокруг монастыря лес, заросли подступают к самой стене. Туда ведет дорога от шоссе, – Армандо склонился над столом и показал на карте тонкую нитку шоссе. – Правда, есть и вторая дорога – здесь она не указана. Она длиннее, чем первая, зато по ней к монастырю можно подобраться незамеченными.

Эрба вытащил из кармана позолоченный «паркер» и прочертил им на бумаге тонкую линию от северной оконечности Террено до маленького квадрата, обозначающего на карте монастырь, – дорога пролегла вдоль реки через виноградные плантации и насаждения пробкового дуба.

С четверть минуты Борзо изучал окрестности монастыря на карте, перед тем как сказать:

– Хорошо, этой дорогой мы и воспользуемся... Теперь вот что – мне потребуются все ваши люди. У вас есть тридцать минут, чтобы собрать их!

Эрба кивнул. Ле Гранде же, нахмурившись, выдавил:

– Но это западня, Франческо!.. Они будут ждать нас в зарослях и начнут стрелять сразу, как только мы подъедем к монастырю!

– Я знаю, что это западня, – ответил Борзо. – Но они будут ждать нас в половине одиннадцатого. Мы подъедем туда за час до назначенного времени, и если они хотят крови, они получают ее!

Посмотрев на часы, он закончил:

– А сейчас начинайте сборы. Максимум без пятнадцати десять мы должны быть у монастыря. Всё – действуйте!..

* * *

В девять часов огненно-красный «мустанг» проехал по грунтовке, ведущей от шоссе к заброшенному францисканскому монастырю, расположенному в полутора километрах от Террено, и остановился в пятнадцати метрах от огораживающей его стены. Андрей Белов заглушил двигатель и, выбравшись из машины, огляделся по сторонам.

Порыжевшая от дождей и времени кирпичная стена вздымалась на высоту четырех метров от земли. С того места, где стоял Андрей, видна была крыша только одного из строений – она выглядывала из-за стены, похожая на остроконечную шляпу вьетнамского крестьянина. Сама стена уходила вправо и влево, теряясь в зарослях росших возле нее ив.

Андрей захлопнул дверь «форда» и не спеша двинулся к главным воротам монастыря...

«Судя по всему, построили его лет триста – триста пятьдесят назад,» – думал он, глядя на высокую монастырскую стену: сейчас в ней виднелось множество мелких и крупных проломов,

в некоторых местах старинная кладка была сбита. Однако даже сейчас было видно, что когда-то эта стена была неприступным монолитом, перебраться через который было не просто, – очевидно, в свое время она надежно защищала монахов от рыскающих по Европе разбойников...

Вскоре Андрей вышел на большую поляну перед воротами монастыря и еще раз подумал, что построили его, скорее всего, в середине или конце семнадцатого века. Форма ворот подтверждала это: две четырехметровые железные плиты с закругленными верхними краями выглядели внушительно, несмотря на покрывающие их пятна ржавчины. Скругленные шляпки крепежных штырей, усеивающие обе половины ворот, говорили о том, в свое время они были усилены изнутри, и их вряд ли мог взять даже таран. Массивные петли шарниров были заведены внутрь, так что и снять железные плиты снаружи не представлялось никакой возможности.

Осмотрев стену и ворота, Андрей прошел в полутораметровый проход, образованный двумя железными створками, и оказался в «мешке». Сзади него находились двери ворот; справа и слева – стены портала, поддерживающие высокую воротную арку; впереди маячил небольшой проход на территорию монастыря, который в свое время, очевидно, закрывался железной решеткой...

Пройдя по «мешку», Андрей оказался во внутреннем дворе монастыря и с интересом принялся изучать его внутреннюю планировку.

Судя по всему, она не сильно отличалась от десятков других, виденных им за всю его жизнь. Справа от него располагалось приземистое двухэтажное строение. Сложено оно было из грубого камня и тянулось вдоль восточной стены метров на шестьдесят. Маленькие, с полметра в поперечнике, окошки говорили о том, что когда-то в этом здании находились приемный дом или больница монастыря. Несмотря на то, что сейчас на его стены падали солнечные лучи, здание выглядело мрачно. На мгновение Андрей представил себе, как должно оно было выглядеть в сырую погоду, когда хлестал дождь и дул ветер: серые струи холодной воды били по таким же серым каменным стенам, выбивая унылую дробь, угнетая монахов, подтверждая всю бренность земной жизни и настраивая их на молитвы...

Переведя взгляд в центр двора, Андрей увидел пару полуразвалившихся хозяйственных построек, сооруженных напротив ворот. Наверняка, им было не больше ста лет: деревянные крыши строений почти полностью сгнили; каменные стены еще держались, хотя кое-где между камнями проступала трава – растения постепенно уничтожали постройки.

Наконец, он посмотрел влево и увидел три здания, расположенные вдоль южной и западной частей стены. Два из них были небольшими двухэтажными строениями, вытянувшимися с юга на север, – очевидно, в свое время в них размещались рефекторий² и дормиторий³. Третье представляло собой массивное четырехэтажное сооружение, без сомнений, являвшееся главным зданием монастыря, – по-видимому, в нем находилась церковь. Подтверждением этому служила полукруглая апсида в восточной стене здания. С южной стороны к нему примыкала трехэтажная пристройка – наверное, раньше в ней жили аббат и высшие чины монастыря. На юге двери пристройки открывались на небольшой, вымощенный каменными плитами клуатр⁴. По его периметру были видны остатки колонн, некогда поддерживавших крышу галереи. Впрочем, сейчас галерея, как таковая, отсутствовала...

Не спеша пройдя в самый центр двора, Андрей разглядел в лицевой стене церкви огромную дверь, над которой располагались высокие стрельчатые окна. Когда-то свет, падающий в эти окна, проникал в здание через цветной витраж; теперь окна были такими же пустыми,

² Рефекторий – в католических монастырях столовая зала братии.

³ Дормиторий – в католических монастырях спальное помещение монахов.

⁴ Крытая обходная галерея, обрамляющая закрытый прямоугольный двор монастыря; часто клуатром называют и сам открытый двор, окруженный галереей.

как глаза мертвеца, лишь в одном из них, под самой крышей здания, матово поблескивал кусок бледно-розового стекла. Общее впечатление, создаваемое монастырем, было тягостным: хорошо организованный комплекс, в котором на протяжении сотен лет жили люди, был разрушен, и процесс этого разрушения продолжался. Андрей хорошо понимал, что ждет этот монастырь – еще лет пятнадцать-двадцать, и он разрушится окончательно под действием времени и погоды, либо власти Террено опередят природу и разберут здания на материал. «Если только не найдется тот, кто захочет отреставрировать монастырь и даст ему вторую жизнь,» – подумал Андрей.

Посмотрев на часы, он отметил, что было уже начало десятого, и двинулся к входу в церковь – он уже понял, что ни в одном другом здании ничего интересного не найдет. Если что и осталось осматривать, так это церковь. Он осмотрит ее минут за пятнадцать и вернется в Террено – сегодня у него и так много дел...

Вскоре Андрей оказался в гигантском зале церкви и остановился у входа, оглядываясь. Зал этот был во многом похож на десятки других залов, виденных им во множестве церквей по всему миру. Правда, здесь существовало отличие – редко когда ему доводилось видеть такую удручающую картину разграбления: атласные драпировки, некогда закрывавшие окна, деревянные панели со стен, отделка алтаря и даже каменная кладка пола были унесены из церкви – очевидно, много десятилетий назад. Сейчас продолговатые проемы окон зияли на фоне абсолютно голых кирпичных стен, а пол зала представлял собой обычную земляную площадку.

Подняв голову вверх, Андрей увидел, что даже фрески со сценами из жизни небожителей под сводом зала отсутствовали – наверное, листы с фресками вынесли из монастыря тогда же, когда разобрали пол и ободрали стены. Сейчас о наличии некогда величественного свода говорили только проржавевшие металлические крепления, расположенные на высоте пятнадцати метров от пола, рядом с деревянными балками, поддерживающими крышу. Андрей перевел взгляд на возвышение для хора и алтаря – оно было завалено остатками полусгнившей мебели, а за ним темной червоточиной зиял вход в апсиду. Вряд ли он найдет здесь что-то, заслуживающее внимания, понял Андрей. Тем не менее, он пересек двадцатиметровой ширины зал и оказался у выхода в коридор, ведущий в глубину здания. Если уж ему не удастся увидеть старинные фрески и скульптуры на алтаре, то он хотя бы изучит планировку самого здания.

Войдя в полутемный проход, Андрей пересек его и оказался в коридоре, прорезающем заднюю часть трехэтажной пристройки параллельно главному залу. В стенах коридора зияли пустые проемы дверей, ведущие в комнаты, в которых раньше хранились монастырская утварь и одежда церковнослужителей. В конце коридора виднелась лестница, ведущая на верхние этажи.

Демонолог прошел вдоль стены коридора, мимоходом заглядывая в темные комнаты – в них, как и в зале, не было ничего примечательного, кроме мусора на полу и надписей на стенах, – и оказался у лестницы. Он решил, что поднимется и осмотрит комнаты самого верхнего этажа – в зале он видел балкон, устроенный на уровне третьего этажа, а на этот балкон выходили двери нескольких комнат. Может, там есть хоть что-нибудь интересное?..

Поднявшись на третий этаж, он уверенно двинулся по коридору – точно такому же, что и на первом этаже. Комнаты, устроенные по левую сторону коридора, его не интересовали; а вот в комнаты с правой стороны он заглядывал. Первая же из них оказалась и самой просторной на всем этаже. Андрей решил, что, судя по размерам, раньше здесь могла размещаться монастырская библиотека. Как и в остальных комнатах здания, здесь было пусто; дверь, ведущая на балкон, была заколочена досками.

Повернувшись, Андрей прошел дальше по коридору и заглянул в следующую комнату. Эта оказалась раза в четыре меньше, чем первая, зато дверь, открывающаяся на балкон, не была заколочена. Андрей пересек темную комнату, в которой напрочь отсутствовали окна, и выглянул на маленькую балюстраду. С высоты третьего этажа каждый уголок сорокаметрового

зала церкви был виден как на ладони. Отсюда четко проступала полная планировка зала с тремя рядами среднего и боковых нефов, восточной и западной апсидами, возвышением для алтаря...

Немного постояв на балконе и убедившись в том, что тот до сих пор способен выдерживать вес взрослого человека, Андрей двинулся по нему в сторону следующей двери. Он прошел расстояние, разделяющее двери двух соседних комнат, выходящие на балкон, краем глаза заглянул в темное помещение, заваленное той же рухлядью, что лежала на алтаре, и хотел уже было отправиться дальше, но в этот момент разобрал тихий звук – словно мышь прошуршала хвостом по цементу.

Демонолог остановился и резко нахмурился:

– Кто здесь?

Короткое время прислушивался, но из комнаты ему не ответили. «Наверное, это действительно какое-то мелкое животное, – подумал Андрей, – мышь или крыса. А может быть, кошка?..»

Он повернулся, чтобы двинуться дальше, но в последний момент передумал и вошел в темную комнату. Пару долгих секунд постоял перед дверью, давая глазам возможность привыкнуть к царившему здесь полумраку, а затем сделал шаг мимо мебели.

В следующую секунду в глубине комнаты двинулись тени, но Андрей не успел среагировать: из-за кучи ящиков к нему метнулся силуэт человека, и что-то, похожее на железную кувалду, врезалось в грудь, отшвыривая демонолога к стенке. Андрей взлетел в воздух и тяжело упал на спину. Падение смягчил деревянный ящик, лежащий в углу, и все-таки его порядком потрянуло. Упав, он почувствовал, как у него перехватило дыхание, и, увидев двинувшуюся к нему фигуру, выдохнул:

– Эй, *подождите!*

Фраза эта вырвалась у него непроизвольно – сама по себе, – но странным образом именно она остановила неизвестного, секунду назад напавшего на него. Луч света, упав в проем двери, попал на одежду незнакомца – Андрей разглядел, что эта была куртка от армейского комбинезона. Человек, остановившийся в метре от него, поднял руку с зажатым в ней непонятным предметом и направил ее в лицо демонолога.

– Подождите! – повторил Андрей и на всякий случай поднял руку с раскрытой ладонью по направлению к незнакомцу. – Я ничего вам не сделал!

Человек в армейском комбинезоне шагнул вперед, луч света упал на его голову, а в следующую секунду Андрей потрясенно напрягся. Он увидел соломенные волосы незнакомца, его изборозженное морщинами лицо, толстые губы и глаза – бездонные, как колодец в пустыне.

– Аз Гохар?! – изумленно вздохнул демонолог. – Бен Аз Гохар, это *вы?*..

* * *

Ознакомившись с показаниями Джей Адамс, Гольди еще раз опросил ее по тем же самым вопросам, которые задавал вчера вечером Протти. Однако женщина не смогла припомнить ничего важного, что бы упустила вчера. Задав последний вопрос, комиссар какое-то время сидел неподвижно, пытаясь составить картину того, что началось вчера утром на тихой Виа Роза и закончилось глубокой ночью в доме Адамсов. Из всего услышанного от Джей у него сложилось странное впечатление нереальности всего происшедшего. И прежде всего, это касалось поведения светловолосого парня, сбитого покойным Тревором.

– Джей, – сказал Гольди, – давайте еще раз вернемся к тому, что произошло вчера утром... С какой скоростью двигался ваш автомобиль, когда вы сбили того парня?

– Я точно не помню, – прошептала Джей, комкая в руках носовой платок. – Может быть, километров сорок или пятьдесят.

– Когда вы его сбили, он перелетел через машину или отлетел в сторону?

Лицо Джей скривила гримаса – словно воспоминание о событиях вчерашнего утра причинило ей боль, – тем не менее, женщина тихо ответила:

– Нет, его отбросило по ходу машины – вперед!

– Вперед? – Гольди быстро нахмурился. – Подождите!.. Вы хотите сказать, что его отшвырнуло в ту же сторону, куда двигался автомобиль?

– Да... Машина проехала еще метров пять прежде, чем остановилась. Мы едва не переехали его.

Гольди с сомнением посмотрел на Джей Адамс, думая: а не ошибается ли она? Ведь человек, которого сбивает легковой автомобиль, взлетает вверх и врежется в лобовое стекло машины, либо сразу же отлетает в сторону. Но в любом случае он остается *за* машиной. Таковы законы физики – здесь действует инерция. По словам же свидетельницы, этого типа швырнуло вперед – словно вся масса тела у него была сосредоточена в ногах. «Странно всё это,» – подумал Гольди. Впрочем, и вся эта история была не менее странной. Например, то, что сбитому удалось подняться на ноги после удара. Комиссар уже видел найденный на Виа Роза «опель» с искореженным радиатором – судя по его виду, удар был приличным...

– Джей, сколько времени прошло между тем, как вы сбили того парня, и тем, как он встал?

– Секунд тридцать или сорок.

– Он поднялся на ноги сразу, или после того, как очнулся, прошло какое-то время?

– По-моему, не сразу... Он пытался подняться, но удалось ему это не с первой попытки.

– Однако, после того как он встал, вы заметили, чтобы он как-то хромал?

– Лишь вначале. Потом он двигался так, словно ничего не случилось.

– И вам это, конечно же, показалось достаточно странным?

Джей промолчала, не ответив на явно риторический вопрос комиссара.

– Одним словом, после того, как он встал, он вел себя так, словно несколько секунд назад на него не налетел полутонный автомобиль?

– Да.

– Вы не заметили на его теле крови?

– Ни капли!

Гольди молча кивнул. Анализы образцов, собранных с бампера «опеля», показали, что на нем отсутствовали следы крови. Также, впрочем, как и любые другие следы органического происхождения.

Комиссар почесал переносицу:

– Джей, можете вы одним словом охарактеризовать поведение сбитого? – Увидев появившееся в глазах женщины непонимание, пояснил: – Мне интересно, какое общее впечатление сложилось у вас о его поведении. Понимаете?

Перед тем как ответить, Джей нервно поморщилась:

– Мне показалось, что он был похож на злобного ребенка...

– Простите?

– Знаете, иногда встречаются дети с необычной злопамятностью, – пояснила Джей Адамс, взглянув на платок. – Когда такой ребенок играет с игрушками, а кто-нибудь из взрослых мешает ему, ребенок затаивает обиду. Но он мстит не сразу, а пытается продолжить игру. Свою обиду он вымещает потом – через много дней, а иногда даже недель, после случившегося... Мне показалось, что человек, которого сбил Тревор, был похож на такого ребенка, которому помешали в игре. Но он не стал прерываться, чтобы мстить нам, а решил отложить эту месть на потом – когда закончит со своими «играми».

Глядя на женщину, Гольди нахмурился. Это было самое странное описание преступника, которое он когда-либо слышал.

Посмотрев на протокол с показаниями, он сказал:

– Из всего, что вы здесь рассказали, складывается очень странная картина, Джей. Но больше всего меня беспокоит одна вещь... Знаете, какая?

Джей подняла взгляд на Гольди и молча пожала плечами.

– Мне кажется, вы чего-то не договариваете. Возможно, вам самой это кажется несущественным или не относящимся к делу, но, может быть, это «что-то» является ключом ко всей этой истории... Вы не хотите добавить мне что-нибудь?

Джей растерянно вздрогнула. Она вдруг вернулась на сутки назад – на тихую улицу с рядами серых домов; увидела медленно поднимающегося с земли светловолосого парня, его сероватые губы, кривящиеся в жуткой ухмылке и произносящие: «*Джейром*»... Она чуть помедлила, но ответила:

– Нет.

– Вы уверены? – Гольди с явным сомнением смотрел на застывшую женщину.

– Да.

Гольди мрачно вздохнул.

В этот миг зазвонил стоящий на столе телефон. Комиссар поднял трубку и услышал помощника.

– Это снова я, комиссар!

– Тони, что у тебя? – бросил Гольди.

– Я только что переговорил со священниками Санта Марии Аквилонии. Правда, они не сообщили мне ничего интересного. Сейчас я отправляюсь в соседний приход, и...

– Хорошо, – оборвал его Гольди. – Тони, если ты звонишь мне затем, чтоб сказать только это, то теряешь время – ты не должен докладывать мне по каждому шагу! Представишь общий отчет, когда переговоришь со священниками.

– Да нет, вообще-то я звоню по-другому поводу, – протянул Ризо, когда замолчал комиссар. – Это связано с тем документом, о котором я говорил полчаса назад. Помните: закон об уничтожении собак?

– Да. Ты узнал что-то новое?

– Точно... После того, как мы с вами переговорили и я уже собирался уезжать из муниципалитета, я заглянул в компьютер архива.

– И что?

– В этот компьютер заносятся сведения обо всех запросах по архиву муниципалитета. Так вот, вчера вечером – после того, как отец Винченцо сделал ксерокопии документа, – запись об этом внесли в базу данных компьютера. А всего через полчаса в ту же базу поступил запрос – кто-то заинтересовался тем, что отец Винченцо снял копии с закона об уничтожении собак.

Удивленно нахмурившись, Гольди подумал: не исключено, это *может* иметь отношение к таинственной смерти священника. Но вот только: какое?

– Откуда был сделан запрос?

В трубке коротко хмыкнули, после чего Тони Ризо загадочно протянул:

– Вы не поверите, комиссар!..

– *Откуда?* – повторил Гольди.

На этот раз в трубке повисла напряженная пауза. Она продлилась несколько секунд, а затем Тони выдохнул:

– Комиссар, запрос сделали по локальной компьютерной сети из нашего управления!..

* * *

На мгновение человек в армейском комбинезоне застыл. Воспользовавшись образовавшейся паузой, Андрей повторил:

– Бен, это вы?!

Не опуская руки с зажатым в ней странным предметом, Бен Аз Гохар вытащил из кармана фонарик и осветил им лицо демонолога. Андрей поднял руку, защищаясь от света, и быстро проговорил:

– Вспомните Бахрейн – три года назад! Мы разговаривали с вами о гулах! Моя фамилия Белов!

Какое-то время Аз Гохар цепко всматривался в лицо демонолога, наконец, протянул:

– Покажите мне руки!

– Что?

– Покажите мне руки!

Андрей поднял руки ладонями к Аз Гохару. Мгновение тот с напряжением всматривался в ладони лежащего, после чего выключил фонарик и, как показалось Андрею, облегченно вздохнул. Затем он запихал фонарик в карман и опустил руку с загадочным предметом к ноге.

– Вспомнили меня? – спросил Андрей, поднимаясь с пола и недовольно отряхиваясь.

– Да... Как вы здесь оказались?

Голос Аз Гохара показался Андрею резким, даже немного враждебным. Он пожал плечами и постарался ответить спокойней:

– Ну, со мной-то всё ясно. Я здесь из-за профессионального любопытства: оказался в Террено проездом, появилось свободное время, и вот – решил осмотреть местные достопримечательности. А вот что здесь делаете вы?

Аз Гохар ответил не сразу. Какое-то время он словно прислушивался к чему-то, чего не слышал Андрей. Потом шагнул к двери, выходящей на балкон, и осмотрел темный зал. Наконец, проворчал что-то похожее на: «охочусь».

Демонолог решил, что ослышался:

– Что?

Аз Гохар развернулся. Сейчас он стоял в проеме дверей – так что рассеянный свет очерчивал его силуэт, не позволяя увидеть лица.

– Послушайте, – проговорил старик жестко, – как вы попали в монастырь?

– Как попал?.. На машине.

– На такси?

– Нет, я взял машину в прокате.

– И где же машина сейчас?

– Здесь. Недалеко от монастыря.

Мышцы на лице Аз Гохара двинулись – словно он стиснул зубы.

– Вы оставили ее прямо перед воротами?

– Нет, там есть небольшой сверток слева от ворот – что-то вроде поляны. Я оставил машину там.

– Ее можно заметить с дороги?

– Скорей всего, нет, – пожал плечами Андрей. – Эта поляна полностью закрыта деревьями... Послушайте, а в чем дело, Бен?

Короткое время тот снова прислушивался.

– Давно вы здесь?

– Минут десять. Успел только осмотреть монастырь снаружи.

– Видели кого-нибудь за это время?

– Что вы имеете в виду?

– Видели вы здесь людей? – повторил Аз Гохар.

– Нет, ведь это *заброшенный* монастырь!.. – Демонолог нахмурился. – Послушайте, Бен, объясните, наконец: какого черта вы набросились на меня с кулаками?

– Я объясню, – кивнул человек в камуфляже. – Только сначала узнаю еще кое-что... Давно вы в этом городе?

– Третий день.

– И как вам Террено? Заметили здесь что-нибудь необычное?

– Необычное?.. Нет. По-моему, это обычный провинциальный город.

– Обычный, – протянул Аз Гохар. – Ну, что ж...

Неожиданно он замолчал. Потом обернулся всем телом назад и застыл, словно гончая, услышавшая зов охотника. В следующую секунду он медленно отступил от проема в глубину помещения и прошептал:

– Вы слышали звук?

– Звук?.. Какой еще звук? – ответил Андрей, удивленный поведением Аз Гохара. – Бен, мне кажется, пора внести ясность. Объясните, что здесь происходит!

Еще какое-то время Аз Гохар напряженно прислушивался к чему-то неслышному, потом повернул голову к Андрею и сказал:

– Вот что, мистер Белов. Выслушайте меня внимательно... Сейчас вы выйдете из монастыря и отгоните свою машину в лес – так, чтобы от монастыря ее нельзя было заметить. Потом вы вернетесь сюда!

– Зачем это? – насторожился Андрей. – Послушайте, я ничего не понимаю в ваших играх, Бен, но...

Внезапно со стороны зала раздались человеческие голоса. Бен Аз Гохар шагнул к демонологу и зажал его рот ладонью, показывая замолчать.

Два человека замерли в темной комнате, прислушиваясь к голосам. Несколько секунд неподвижно стояли, в то время, как громкость голосов увеличивалась. Судя по всему, разговаривавшие находились на улице. Но вот голоса зазвучали резче и громче – говорившие вошли внутрь церкви.

Аз Гохар еще раз приложил ко рту палец и указал на балкон. Потом он опустил руку и бесшумно скользнул к проему дверей. Там он замер, осторожно выглядывая в зал. Демонолог последовал его примеру и вскоре оказался у проема возле Бен Аз Гохара.

В следующую секунду оба увидели говоривших. Их было двое. Один из них был высоким, черноволосым мужчиной лет сорока, собеседником его была девушка лет восемнадцати, одетая в вязаную кофту и джинсы. Глядя на нее, можно было подумать, что она не мылась, по крайней мере, пару недель: ее слипшиеся волосы патлами свисали вдоль худого лица. Мужчина был, наоборот, упитан и одет как с иголки – словно только что сошел со страниц одного из французских журналов.

На взгляд Андрея, эта парочка была более чем странной. Он покосился на старика, словно хотел у него что-то спросить. Однако в эту секунду люди, остановившиеся в центре зала, начали действовать, и он забыл о вопросе – то, *что* начали делать эти двое, вызвало у него в сто раз большее изумление, чем их вид...

* * *

Пару секунд комиссар напряженно молчал, обдумывая поразительные слова Ризо. Потом недоверчиво переспросил:

– Запрос сделали из комиссариата?

– Точно, – подтвердил инспектор. – По компьютерной сети из нашего управления.

– Кто именно, не установил?

– Нет. Как мне объяснили в муниципалитете, все компьютеры комиссариата завязаны на одну линию и пользуются одним адресом. Так что установить, с какого именно компьютера делали запрос, невозможно!

Гольди нахмурился, подумав, что в комиссариате больше полусотни компьютеров – они стоят почти в каждом кабинете, – и запрос мог быть сделан с любого. Но неужели загадочный убийца, проникший в Санта Марию Аквилонию через разбитый витраж и размозживший голову отцу Винченцо, связан с кем-то из полицейского управления? И неужели священника убили за то, что он взял в архиве муниципалитета документ восьмидесятилетней давности?..

Решив не делать поспешных выводов, Гольди спросил:

– Ты уже видел этот закон?

– Да, ничего интересного. Приняли его в начале века. Обычный документ, предписывающий отлавливать собак на улицах города и уничтожать их. Сам по себе, он не представляет никакого интереса; но вот то, что через какие-то полчаса после запроса кто-то заинтересовался личностью делавшего запрос...

Ризо многозначительно не договорил, а комиссар, подумав, сказал:

– Ладно, Тони, спасибо за информацию! Возможно, она окажется нам полезной... А сейчас – возвращайся к работе!

В трубке раздались гудки. Гольди опустил ее на рычаг и задумчиво посмотрел на Джей Адамс. Во второй раз за последние два часа он подумал о том, что события, происходящие в этом городе, приобретают некий загадочный оборот.

– Знаете, Джей, давайте-ка съездим на Виа Роза – я хочу посмотреть на место происшествия. Согласны?

Женщина нервно кивнула.

– Вот и хорошо, – твердо выдохнул Гольди.

Сложив протоколы в стол, он запер ящик на ключ. Потом встал из-за стола и надел пиджак, висевший на спинке стула.

В этот момент на его столе опять зазвонил телефон.

Гольди взял трубку, но на этот раз, вместо привычного голоса Ризо, услышал металлический баритон начальника полиции:

– Это Плацци! Зайдите ко мне, Гольди. Сейчас же!

Выплюнув эти слова на одном дыхании – словно очередь из пулемета, – Плацци немедленно отключился.

Услышав запикавшие гудки, Гольди растерянно посмотрел на трубку, затем – на часы. Было уже десять минут десятого. «Похоже, поездка на Виа Роза откладывается», – понял он. Плацци вряд ли продержит его менее получаса.

Повернувшись к Джей Адамс, Гольди сказал мрачным голосом:

– Извините, Джей: видимо, некоторое время вам придется посидеть здесь одной – мне нужно встретиться с шефом.

Джей молча кивнула.

Гольди достал из стола только что положенные в него протоколы, прибавил к ним лист с распределением по делам и запихал всё это во внутренний карман пиджака. Затем он вышел из кабинета и, на ходу поправляя галстук, отправился в противоположное крыло здания комиссариата, где находился кабинет начальника полиции...

* * *

Стоя у проема дверей, выходящего на балкон, Андрей с напряжением всматривался в замершую посреди зала парочку. Застывший в полуметре от него Аз Гохар своей неподвижностью напоминал мраморную статую; лишь глаза его полыхали огнем.

Какое-то время мужчина и девушка стояли на месте, о чем-то переговариваясь. Затем девушка сняла туфли и осталась босиком. Мужчина вытащил из внутренностей пиджака

огромный моток веревки и протянул его девушке. Та повесила веревку на шею, подошла к северной стене зала и... полезла по ней!

Андрей, наблюдавший за парочкой, почувствовал, как на голове его шевельнулись волосы: девушка-подросток поднималась по совершенно отвесной кирпичной стене, словно кошка по дереву. Он видел, что в стене не было никаких выемок или выступов, за которые можно было бы зацепиться; тем не менее, девушка карабкалась вверх с поразительной скоростью. Каким-то образом она цеплялась за ровную поверхность руками и ногами и поднималась всё выше. Мужчина, оставшийся внизу, спокойно наблюдал за ее передвижениями...

Спустя полминуты девушка, преодолев метров десять отвесной стены, оказалась под сводом зала, уцепилась за одну из дубовых балок и, словно летучая мышь, принялась карабкаться по ней в центр свода вниз головой. Вскоре она оказалась точно под коньком крыши, перевернувшись, оседлала балку и, сняв с шеи веревку, скинула один ее конец вниз. Вербка со свистом рассекла воздух и упала на пол зала недалеко от мужчины. Андрей проглотил комок в горле.

Тем временем мужчина не спеша снял пиджак и остался в рубаше. Затем молча поднял веревку. Андрей разглядел, что на ней были сделаны две петли: большая и маленькая. Мужчина расширил большую из петель и надел ее через голову на тело. Пропустив ее под руки, закрепил петлю под мышками, так что она обхватила его торс. Потом он надел на шею маленькую петлю, аккуратно затянул ее и накинул пиджак...

Действия мужчины заставили демонолога вспомнить картину, виденную им в каком-то фильме про каскадеров – трюк этот был хорошо известен киношникам: именно так артист, играющий роль повешенного, имитировал смерть на виселице. Зрителям казалось, что артист висит на веревке, подвешенный за шею; на самом же деле, он висел на страховке, закрепленной у него на спине. Впрочем, сейчас Андрей был уверен, что эти двое не собираются снимать здесь кино.

...Через пару мгновений мужчина поправил пиджак, и теперь, глядя на него сверху, можно было видеть только петлю, обхватившую его шею. Мужчина посмотрел вверх и махнул рукой – после этого девушка, сидящая под потолком зала, потянула веревку.

Демонолог почувствовал неприятный холодок, прокатившийся по его позвоночнику, – странная девушка показалась ему теперь еще более странной: она с поразительной легкостью поднимала мужчину – словно механическая лебедка!

Через несколько секунд мужчина оказался на высоте пары метров от пола и снова подал знак девушке. Та прекратила тянуть и, держа веревку в левой руке, правой закрепила ее свободный конец на балке. Теперь мужчина висел на полностью закрепленной веревке. Но вот он в третий раз махнул рукой, и девушка принялась втягивать его вверх, быстро перебирая руками...

Меньше чем за половину минуты она втянула мужчину (в котором, по оценкам Андрея, было не меньше ста килограммов веса) на двенадцатиметровую высоту. Оказавшись под сводом зала, мужчина подобрал концы свисающей вниз веревки и спрятал их на балке. Затем он сам устроился между балок таким образом, что с пола зала его практически не было видно. Аз Гохар и Андрей могли видеть его только потому, что находились на третьем этаже и могли заглянуть за балку.

Сдавив кулаки, Андрей перевел дух от увиденного, но на этом «представление» не закончилось. Мужчина и девушка перебросились парой слов, которые притаившиеся внизу люди разобрать не смогли, а затем девушка прыгнула вниз!

Она пролетела двенадцать метров и упала на пыльный пол зала. Демонолог испуганно вздрогнул, услышав, как тяжело ее тело ударилось в землю. Однако в следующую секунду девушка поднялась на ноги как ни в чем не бывало.

– *Вот дьявол!*... – изумленно прошептал демонолог.

Старик рывком повернулся к нему, показывая замолчать.

Неожиданно в проеме главных дверей показались еще две фигуры. Один их вошедших оказался высоким, худощавым парнем с копной волос; другой – мужчиной лет тридцати с короткой стрижкой.

Вошедшие подошли к девушке, которая в этот момент надевала туфли, и что-то сказали ей, а затем старший из мужчин направился к противоположной окнам стене. Вскоре Андрей и Аз Гохар потеряли его из вида – мужчина вошел в боковой неф, не просматривавшийся с балкона. Тем временем девушка и длинноволосый подошли к каменному возвышению для хора, парень осмотрел земляной пол и кивнул на освещенный солнечными лучами участок недалеко от окна...

И снова Андрей почувствовал, как на голове его зашевелились волосы: девушка-подросток, опустившись на корточки, принялась копать яму. Комья сухой земли начали вылетать из-под ее ладоней с ошеломительной скоростью – словно работала миниатюрная землекопалка...

Через какую-то минуту в земле образовалось углубление, достаточное для того, чтобы в нем мог поместиться человек. Тогда девушка прекратила копать и легла на дно вырытой ямы лицом вверх. Длинноволосый вытащил что-то из-за пояса и протянул руку к земле. Демонолог, внимательно следивший за парочкой, не сразу разобрал, что находится в руке длинноволосого, – тот стоял, повернувшись к балкону спиной. Лишь когда девушка взяла странный предмет, он увидел, что этим «что-то» был маленький, поблескивающим металлом автомат – из тех, что используют спецслужбы и террористы.

Девушка опустила руку с оружием на грудь и прикрыла ее полой кофты; другую руку она устроила поверх автомата. Потом она кивнула длинноволосому, и тот принялся закидывать ее землей. За короткое время он полностью закопал лежащую в яме девушку, а лишнюю землю раскидал по полу. Затем он несколько раз прошелся по свежей «могиле», так что вскоре нельзя было заметить, что недавно здесь что-то копали...

Андрей ощущал, как колотится сердце, – он не заметил, чтобы у девушки было хоть что-то, напоминающее дыхательный аппарат. Так каким же образом она собирается дышать под землей?!

...Тем временем длинноволосый отошел от возвышения хора на середину зала, оглядел место «захоронения» и, видимо, остался доволен. Подняв голову вверх, он уверенно свистнул. В ответ ему раздался свист человека, притаившегося под крышей. Длинноволосый развернулся и быстрым шагом вышел из церкви на улицу...

Несколько секунд два человека прислушивались к звукам, которые еще могли раздаться из зала, но ничего не слышали. Тогда Андрей обернулся к Аз Гохару и, впившись глазами в его лицо, прошептал еле слышно:

– Господи, что всё это значит, Бен? Кто эти люди?! Ведь вы это знаете? Вы же не просто так оказались здесь и расспрашивали меня?!

Бен Аз Гохар повернул голову, и в темноте демологу показалось, что лицо старика побледнело. Какое-то время они глядели друг на друга без слов, после чего Аз Гохар так же тихо ответил:

– Помните, три года назад вы просили меня показать вам гула, мистер Белов?.. Так вот, только что вы видели сразу *четырёх* гулов!

До Андрея не сразу дошел смысл услышанного. Он смерил Аз Гохара изумленным взглядом – в глазах его проскользнуло ясно читаемое недоверие – и выдохнул:

– Подождите, Бен... Вы хотите сказать, что эти люди – не люди, а дьявольские создания? Что они...

Внезапно его рот снова накрыла шершавая ладонь Аз Гохара. Мгновение в темной комнате висела могильная тишина, а затем они оба услышали, как со стороны лестницы, прорезающей здание по всей его высоте, раздались тяжелые шаги поднимающегося по ней существа...

Глава девятнадцатая

Пройдя в левое крыло здания комиссариата, Гольди остановился перед кабинетом, на двери которого была укреплена позолоченная табличка с надписью «Начальник полиции. Д-р Э. Плацци». Затем он постучал в дверь и, услышав ответ, открыл ее.

Энио Плацци сидел за рабочим столом, занимавшим по площади треть помещения. Напротив него расположился Агуанто Манари – начальник отдела по борьбе с организованной преступностью. Он что-то говорил Плацци, показывая на лежащие на столе схемы.

Увидев комиссара, Плацци кивнул на свой стол. Гольди пересек кабинет, опустился на стул и принялся краем уха слушать Манари...

Спустя пару минут Агуанто закончил говорить, собрал со стола документы и вышел из кабинета. Когда дверь закрылась, Плацци повернулся к выжидательно глядящему на него комиссару:

– Ну, и ночка, Гольди! Слышали, что случилось сегодня на Золотом Бульваре? – Комиссар недоуменно нахмурился. – Ограбили оружейный магазин: вынесли около тридцати автоматов и кучу патронов к ним; кроме того, взяли несколько десятков 93-их «беретт»!

Гольди, готовившийся к серьезному разговору с шефом об убийствах прошедшей ночи, оказался не готов к такому известию. На мгновение на его лице повисла растерянность. Заметивший это Плацци добавил:

– Похоже, кто-то готовится к войне в Террено, а, Гольди?!

Комиссар недоверчиво переспросил:

– *Тридцать автоматов?!*

– Ну, если быть точным, то двадцать восемь. Но суть-то от этого не меняется... – Плацци усмехнулся, поразив Гольди странной ухмылкой, поднял лежащую на столе общую сводку происшествий и слегка рассеянно протянул: – Ну, ладно. Что мы имеем по вам?

Несколько секунд он смотрел на бумагу, но словно не видел ее.

– Восемь трупов – четыре эпизода... – Неожиданно Плацци посмотрел на замерший на столе телефон – словно ждал, что раздастся звонок. – Вы уже сделали предварительное распределение по делам?

– Да, – Гольди сделал попытку собраться. – Убийствами в Викола Гарибальди займется Эстебане; Ризо я поручил опросить священников Санта Марии Аквилонии и других церквей; а случаем на складах...

– Хорошо! – оборвал его Плацци. – Я доверяю вам, Гольди. Вы ведь не первый год на убийствах. Пусть пока всё идет, как идет! Если потребуются, мы подкорректируем ведение дел после обеда. К тому же, это слишком крупное дело, чтобы вы вели его в одиночку, – девяносто девять процентов за то, что к расследованию подключится прокуратура!

Начальник полиции снова взглянул на телефон, что заставило Гольди задуматься о странности его поведения. Отправляясь к Плацци, он настраивался на долгий разговор – по многолетнему опыту ему было хорошо известно, что Плацци любит лично вникать в каждое дело, и ни одно назначение инспектора на расследование самого незначительного убийства не проходит без его участия. После сегодняшней же ночи с ее массовыми убийствами Гольди был абсолютно уверен, что начальник полиции продержит его не менее получаса, разбирая каждый эпизод по отдельности. Однако всё вышло иначе...

– Я доверяю вам, Гольди, – повторил Плацци. – К обеду ваши ребята соберут предварительные материалы, тогда мы и поговорим поподробней.

Начальник полиции посмотрел на лежащие на столе документы и добавил, словно только что вспомнил о чем-то важном:

– Да, вот, собственно, зачем я позвал вас... К нам поступила важная информация – возможно, сегодня в районе одиннадцати утра нам потребуются все наличные резервы полиции... Вы поддерживаете связь со своими людьми?

– Разумеется!

– Хорошо! Продолжайте это делать, чтобы в случае необходимости, они могли подключиться. Может быть, ничего и не произойдет, но все-таки... – Плацци двинул плечами. – А теперь можете идти, комиссар!

Гольди недоуменно поднялся из-за стола. В течение всего разговора он ждал, что начальник полиции спросит его о вчерашних задушенных, найденных на складе у пирса. После того, как вчера утром Скала обнаружил «воск» под ногтями одного из убитых, комиссар решил отложить их захоронение, и сейчас, идя к Плацци, настраивался на серьезный разговор с ним по этому поводу. Он не исключал даже того, что придется рассказать шефу об их вчерашней поездке на Чимитеро Нуово и об их поразительной находке, – хотя и не хотел делать этого раньше времени, пока у них не было анализов Скалы и показаний смотрителя. Но Плацци даже не вспомнил о лежащих в морге телах – похоже, вниманием его владело нечто более важное, чем семнадцать задушенных бродяг и восемь человек, убитых минувшей ночью. «Но что это может быть?» – пронеслось в голове комиссара. Возможно, это связано с последними словами Плацци? Что бы это ни было, он не знал...

Повернувшись, Гольди кивком попрощался с начальником и вышел из кабинета.

Через минуту, спустившись со второго этажа вниз, он оказался в коридоре, ведущем в вестибюль комиссариата. В противоположном направлении коридор вел к камерам предварительного задержания... Мгновение Гольди раздумывал, что сделать сначала: вернуться к себе и поехать с Джей Адамс на Виа Роза, или допросить смотрителя Чимитеро Нуово?

Решив, что поездка с Джей может запросто растянуться на неопределенное время, он отправился к камерам...

Вскоре он оказался в цокольном этаже здания, представлявшем собой длинный коридор, по обеим сторонам которого шли зарешеченные камеры. Вместе с дежурным полицейским комиссар прошел к нужной камере, и когда тот открыл ее, вошел в помещение.

Старый смотритель сидел на деревянной скамейке слева от входа. Увидев Гольди и дежурного полицейского, он не проявил к ним ни малейшего интереса, а взял со стола пачку таблеток, которые дал ему штатный врач комиссариата, проглотил пару штук и запил их водой.

Войдя в камеру, Гольди показал полицейскому не закрывать ее и сел на скамейку напротив смотрителя. Старик, проглотив таблетки, сидел молча, не поднимая глаз на комиссара.

Несколько секунд Гольди рассматривал посеревшее лицо человека, наконец, протянул:

– Вы помните, что случилось вчера вечером?

– Я напился, – коротко ответил старик. Голос его прозвучал глухо – словно заезженная пластинка.

– Точно, – подтвердил комиссар. – Но после этого вы кое-что рассказали... Кто похитил вашу жену?

Смотритель судорожно сглотнул и метнул на комиссара взгляд, полный затаенного страха. Гольди понял, что всё это утро тот мучился от сомнений: а не было ли бредом его вчерашнее признание полицейским? Теперь же он убедился в том, что действительно рассказал полиции о похитителях. И теперь у него не было пути назад.

– Они сказали, что убьют ее, если я заявлю в полицию, – прошептал старик.

– Еще больше шансов на то, что они убьют ее, если вы не будете сотрудничать с нами.

Смотритель тяжело вздохнул – словно и сам понимал, что сидящий на противоположном конце стола человек прав. Он посмотрел на комиссара прежним испуганным взглядом и спросил:

– Кто вы?

– Моя фамилия Гольди. Я начальник отдела по расследованию убийств...

Увидев, как вздрогнул старик, комиссар успокоил его:

– Нет, с вашей женой ничего не случилось! Просто это я привез вас сюда, и информация о похитителях известна только мне и моим подчиненным. Если вы будете помогать нам, мы сможем провести дело тихо – так, что никто не узнает, что вы рассказали. Вы меня понимаете?

Голова старика медленно качнулась вперед.

– Хорошо, – сказал Гольди.

Достав из кармана блокнот, он опустил его на колено, но решил пока ничего не записывать, а составить себе общую картину происшедшего.

– Вчера мы приехали на кладбище раскопать зарытые нами тела, но не нашли костей. После этого вы сообщили, что могилы раскопали неизвестные вам люди. Расскажите об этом подробнее!

Гольди замолчал, глядя на старика пристальным взглядом. Тот несколько секунд совершенно не двигался – словно раздумывал: говорить ли этому полицейскому то, что он знает, – наконец, произнес:

– Их было трое. Они приехали в большом черном фургоне позавчера в полночь и раскопали могилы – все шесть штук. Когда закончили, погрузили тела в машину, а могилы зарыли и установили на прежние места надгробия. Потом они уехали.

– Вы видели, как они раскапывали могилы?

– Они заставили меня смотреть, – прошептал старик. – Сказали, что если я не хочу, чтобы в одну из могил закопали мою жену, мне лучше помалкивать.

– Сколько это у них заняло времени?

– Не более часа.

– Часа? – выдохнул Гольди. На мгновение он усомнился в словах старика, вспомнив, что они втроем за полтора часа раскопали только *две* могилы. – Вы ничего не путаете?

– Нет.

– Ну, хорошо... Когда вы впервые увидели этих людей? И когда они похитили вашу жену?

– Неделю назад... Они приехали неделю назад после закрытия кладбища и сказали, что моя жена у них. Они дали мне поговорить с ней по телефону, а потом приказали открыть ворота на кладбище.

– Что произошло после этого?

– Они раскопали одну из могил и увезли покойника!

Чувствуя, как его охватывает неясное беспокойство, Гольди повторил:

– Неделю назад?.. Вы говорите, что неделю назад они увезли покойника? Шесть могил они раскопали позавчера ночью. – Комиссар вдруг подался над столом к смотрителю. – А *между* этими случаями они приезжали на кладбище?

– Да.

– Сколько раз?

– Каждую ночь.

– Каждую ночь?.. И каждый раз они...?

– Да. Они выкопали около десяти трупов!

Гольди вздохнул и опустил на стул, чувствуя, что от всего этого начинает пахнуть какой-то мистикой. «Что за таинственные похитители трупов появились в Террено? – пронеслось у него в голове. – Зачем кому-то выкапывать из могил кости давно сгнивших покойников?..»

Он постарался взять себя в руки:

– Давайте вернемся к тому, что произошло на кладбище позавчера ночью... Вы видели, как неизвестные отделяли мясо покойников от костей?

– Отделяли мясо покойников от костей? – повторил старик. Неожиданно на его посеревшем лице отразилось непонимание. – Они ничего не отделяли!

– То есть как? – машинально нахмурился Гольди. – В могилах мы нашли одно мясо – без костей. Следовательно, те, кто украли кости, должны были предварительно отделить от них мясо. Согласны?

Старик с сомнением покачал головой.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. Они вытащили из могил двенадцать тел. Все они были целыми.

– Целыми? – с недоумевающим видом повторил Гольди. – Подождите... По-моему, мы с вами не понимаем друг друга. Сегодня ночью мы раскопали две могилы и нашли останки покойников, у которых отсутствовали кости. Вы же утверждаете, что неизвестные вытащили из могил *целые* тела?

– Да, двенадцать покойников. Они погрузили их в фургон, а могилы зарыли!

Несколько секунд Гольди смотрел на смотрителя, понимая, что он ничего не понимает, а потом протянул:

– Вы заглядывали в сами могилы перед тем, как их опять закопали?

– Нет.

– И не видели, что стало с гробами?

– Нет.

Гольди почувствовал, как появившееся у него беспокойство начинает превращаться в нечто физически ощутимое – заполняющее грудь и тошнотворным комком подступающее к самому горлу. О каких двенадцати целых покойниках может идти речь, если в двух могилах на Чимитеро Нуово они нашли трупы, у которых отсутствовали кости? Может быть, смотритель не до конца протрезвел после выпитого накануне вечером виски и сейчас бредит? Ну, а что, если нет? Что, если слова старика – правда?.. Но как объяснить тогда то, что в могилах, из которых неизвестные унесли трупы, осталась плоть мертвецов? И чем объяснить присутствие на этой плоти загадочного «воска»?..

– Послушайте, – протянул комиссар. – Вы уверены, что из могил, в которых мы закопали покойников, неизвестные выкопали и увезли двенадцать целых тел? Вы ничего не путаете?

– Нет, – ответил старик. – Поверьте: я *видел* эти тела – так же хорошо, как сейчас вижу вас!

Гольди почувствовал, как тошнотворный комок начинает заполнять всё его существо, и, подняв к лицу руку – чтобы вытереть выступивший на висках пот, – увидел, что пальцы на ней напряженно подрагивают...

* * *

С каждой секундой звучащие от лестницы шаги становились отчетливей. Производившее их существо шло по коридору, осматривая комнаты. Два человека, замершие в тесном помещении, заваленном остатками церковной мебели, внимательно прислушивались к звуку шагов. Демонолог отчетливо чувствовал, что все его мышцы напряжены и словно окаменели, а позвоночник превратился в подобие металлического стержня. Он еще не до конца осмыслил только что услышанное известие – о том, что виденные ими существа были гулами, – и то, что теперь одно из этих существ шло к ним, вызывало у него внутреннее напряжение.

Неожиданно Аз Гохар вытащил из кармана брюк огромный охотничий нож и протянул его Андрею. Тот взял нож, почувствовав ладонью его теплую пластиковую рукоятку. Он не знал еще, каким образом это оружие может подействовать на гула, но раз Аз Гохар дал ему нож, значит, он знал, что последний может оказаться полезным.

Тем временем старик вытащил из кармана тот самый предмет, который несколько минут назад направлял на Андрея. В тусклом свете, падавшем в комнату через балконную дверь, Андрей разглядел, что этим предметом была маленькая фляжка. Предмет этот озадачил его еще больше, чем нож, но он постарался не думать о странностях, решив, что Аз Гохар знает, что делает.

В этот момент звук шагов оборвался у соседней комнаты. Какое-то время в коридоре висела «звонящая» тишина; затем существо двинулось к комнате, в которой замерли два человека.

Через секунду в проеме двери, выходящей в коридор, показался мужской силуэт. Замерший за огромным ящиком Андрей сразу узнал его – это был тот самый тип с короткими волосами, который вошел в зал церкви вместе с длинноволосым. Покосившись на Аз Гохара, он резко напрягся, думая, что ничего не знает о гулах, и если сейчас существо обнаружит их, он не будет знать, что и делать...

Несколько секунд, показавшихся ему минутами, темный силуэт совершенно не двигался, пока существо осматривало комнату. Андрей чувствовал, как стучит его сердце, но пытался не шевелиться, понимая, что для активных действий еще не готов, и лучше, чтобы эта тварь их не обнаружила.

Еще какое-то время гул оставался на месте, а потом... отправился дальше по коридору. Андрей облегченно вздохнул, однако старик тут же показал ему замолчать. В течение следующей минуты существо проследовало до конца коридора, вернулось назад, прошло мимо уже осмотренных комнат и оказалось у лестницы. Затем оно принялось спускаться вниз, но неожиданно звук его шагов оборвался, – судя по всему, гул остановился на втором этаже.

Опустив нож под ноги, Андрей провел рукой по лицу, ощутил капельки пота, выступившие на висках, и опять прошептал еле слышно:

– Бен, вы должны объяснить мне, что происходит в этом монастыре, иначе... – Внезапно он замолчал, поняв, что не знает, что сказать после этого «иначе», и просто повторил: – Вы должны объяснить!

Пару долгих мгновений Аз Гохар напряженно прислушивался к зданию, но шагов, стихших минуту назад, не услышал. Тогда он взглянул на Андрея и прошептал, практически артикулируя одними губами:

– Мистер Белов, я не знаю, что привело вас сюда: проведение или злой рок, и хорошо ли то, что вы здесь появились. Весь вчерашний день я думал о том, кто может помочь мне в борьбе против гулов в Террено. Но теперь я не знаю, втягивать ли вас во всю эту историю или посоветовать выпрыгнуть в окно, сесть в машину и уехать из города...

– Помочь? В чем помочь? – прошептал демонолог. – И почему вы говорите, что мне лучше уехать из города?

Снова пару мгновений Аз Гохар с напряжением всматривался в лицо демонолога, перед тем как спросить:

– Помните, три года назад я рассказывал вам о Пророчестве, сделанном одним из моих предков?

– Конечно!

– Так вот, описанное в Пророчестве осуществится в Террено... Сегодня!

Андрей ощутил укол беспокойства, вызванный словами Аз Гохара, и тихо спросил:

– Бен, я вас правильно понял? Вы хотите сказать, что в Террено гулы под предводительством своего вожака уничтожат людей и захватят город?

– Они уже делают это!

В полумраке, царившем в комнате, Андрей вдруг заметил, что пальцы Аз Гохара мелко подрагивают. Человек в камуфляже опустил на пол фляжку, достал из кармана сигаретную пачку и вытащил из нее тонкую длинную сигарету, похожую на жало стилета.

– Что у вас руками? – спросил Андрей.

– Ничего...

Вернув сигарету на прежнее место, Аз Гохар подобрал фляжку, показал демонологу придвинуться ближе и зашептал:

– Мистер Белов, вы говорите, что в городе вы уже третий день. Вы не заметили в Террено ничего необычного?

– Нет, я уже говорил.

– Никаких странностей в поведении людей или загадочных событий?

– Ничего похожего... – нахмурился демонолог и, в свою очередь, спросил: – Послушайте, Бен. Вы говорите, что в Террено начинается Пророчество? Но я отлично помню слова, которые вы говорили в Бахрейне. В городе, кроме Вассаха, должно появиться *много* гулов... Где у вас доказательства того, что Пророчество осуществляется?

– Я не полицейский, – еле слышно протянул Аз Гохар, – и доказательств не предоставляю. Но если я говорю, что в Террено появились гулы, значит, это правда... Если же вам нужны доказательства, спуститесь в зал и откопайте того, кто лежит в земле, или поднимитесь на крышу и посмотрите на того, что подвешен на балке. Тогда у вас появятся стопроцентные доказательства. Правда, боюсь, что в следующую секунду после того, как вы их получите, вас убьют!..

Демонолог сдвинул кулаки, машинально припомнив недавнее «представление», разыгранное в зале церкви. То, что ни один человек не может проделать те трюки, что демонстрировали «девушка-подросток» и «щеголь», он понял, уже наблюдая за ними. Но и поверить в то, что существа эти, так похожие на людей, были совсем не людьми, он все-таки тоже не мог – слишком уж неожиданно это было.

– ...Сегодня ночью я поймал одного из гулов и сжег, – продолжал Аз Гохар. – Но перед этим я его допросил... Как вы думаете, мистер Белов, *что* я здесь делаю?

Андрей заглянул в черные провалы глаз Аз Гохара и выдохнул:

– Это я и хотел бы узнать!

Краешки губ Аз Гохара скользнули вниз.

– Гул, которого я сжег, сказал, что Пророчество начнет осуществляться сегодня утром в заброшенном монастыре. Именно поэтому я приехал сюда!

– Он сказал вам, что здесь произойдет? – Андрей вдруг поймал себя на странной мысли, что начинает верить словам старика.

– Нет, ему помешали – в гула вошел Вассах и запретил ему говорить со мной!

– Вассах? Повелитель гулов?

– Да... Он проник в сознание гула и говорил со мной через его тело. Он же сказал мне, что к сегодняшнему вечеру в Террено не останется живых горожан.

– Он вошел в тело гула на расстоянии? – прошептал Андрей, с сомнением глядя на старика. – Как это может быть? Разве это возможно?

– Спросите лучше, как вообще могут существовать эти богопротивные твари! – ответил старик, кивнув в сторону зала.

– В Террено восемьдесят тысяч жителей. Каким образом они собираются убить столько людей?

– Я не знаю. Вассах не сказал мне об этом... – Аз Гохар придвинулся еще ближе к Андрею, чтобы шепнуть ему на ухо. – Я разговаривал кое с кем в Террено, мистер Белов. По моим подсчетам, в городе сейчас не менее двух десятков гулов.

– Двух десятков?

– Вот именно. При том, что каждое из этих существ способно убить своими руками столько людей, сколько ему подвернется. Но я не думаю, что гулы будут ходить по Террено и убивать его жителей голыми руками. Во-первых, это займет много времени. А во-вторых, у

многих в этом городе есть оружие; да и полиция в Террено имеется. Поэтому я сомневаюсь, что они начнут убивать людей, разгуливая по улицам. В этом случае в город введут войска, и тогда план Вассаха рухнет. Скорее всего, они сделают что-то другое – но вот что, я не знаю. Хотя начнут они в этом монастыре!

С полдесятка секунд Андрей сидел молча, стараясь осмыслить услышанное, наконец, прошептал:

– Хорошо. Я могу допустить, что всё сказанное вами, – правда. Но я не понимаю другого: *зачем* гулам убивать людей? Ведь если всё, что вы говорите, – правда; и если я правильно помню ваши слова в Бахрейне, Вассах живет в этом городе больше ста лет и за всё это время он никого не убил. Зачем же теперь ему это делать? И зачем гулам захватывать город? Что будут делать два десятка этих существ в пустом городе с тысячами трупов? Через сутки о происшедшем в Террено узнает весь мир, и сюда введут армию! Не проще ли гулам убраться отсюда?

Несмотря на тот факт, что в комнате было темно, Андрей вдруг заметил, как нахмурился Аз Гохар. Несколько секунд человек в камуфляже молчал, наконец, еле слышно сартикулировал:

– На этот вопрос не так просто ответить, хотя ответ на него самый важный в Пророчестве. Я объясню вам, зачем гулам убивать людей, но сначала вы ответите на один мой вопрос...

Вновь помедлив, старик продолжал:

– ...Я прибыл в Террено, не зная всей серьезности происходящего в этом городе, и то, что я обнаружил здесь Вассах Гула, – случайность. Если бы я знал о том, что творится в Террено, я прилетел бы сюда вместе с братьями – тогда силы были бы равными, но я приехал один... – В тихом голосе старика прозвучала короткая горечь. – Понимаете, мистер Белов, три тысячи лет мои предки искали и уничтожали гулов; я сам посвятил свою жизнь тому же. Два раза мои предки находили Вассахов до того, как могло осуществиться Пророчество, и уничтожали их. Но всё это время мы знали, что однажды они опередят нас, и тогда нам не останется ничего другого, как драться с ними – до смерти... Мистер Белов, я *должен* уничтожить гулов в Террено! Это мой долг. Но я чувствую, что не справлюсь с этим один. Для того чтобы уничтожить их, мне нужен помощник – человек, который знает о них, верит в их существование и не побоится бросить им вызов!...

Опустив руку на плечо демонолога, Аз Гохар прошептал:

– Согласны вы стать таким человеком, мистер Белов? Согласны вы встать со мной против гулов?

Пристально глядя в глаза Аз Гохара, Андрей медленно выдохнул:

– А разве я могу выбрать?

– Разумеется... Вы можете дожидаться, когда гул уйдет, – Аз Гохар кивнул в сторону лестницы, – выбраться из монастыря и уехать из Террено. Либо дожидаться, когда закончится то, что задумали гулы – здесь, в монастыре, – и также уехать из города... Но вы можете сделать другое: остаться со мной и попытаться остановить их!

Замолчав, Аз Гохар смерил Андрея внимательным взглядом. Под этим взглядом последний задумался...

То, что предлагал ему этот человек, сильно смахивало на средневековый поход отцов инквизиции против ведьм: та же фанатичная вера в свои слова, то же стремление во что бы то ни стало уничтожить врагов. Только, в отличие от средневековых ведьм, врагами Аз Гохара были не люди... Всё, что он знал о Пророчестве, Вассахе и намерениях гулов в Террено, демонолог знал со слов Аз Гохара. Но знал он и нечто другое – то, что на протяжении последних семи лет по крупицам собирал из источников, разбросанных по библиотекам стран всего мира. И то, что он узнал о гулах, однозначно говорило о том, что эти создания являлись далеко не миролюбивыми существами.

Внезапно он вспомнил «девушку-подростка» и «щеголя», притаившихся в зале церкви, и понял, что не давало ему покоя всё время, пока он наблюдал за их «представлением», – от этих двоих исходили физически ощутимые флюиды злобы – нечеловеческой, *чистой* злобы, несущей страдания и смерть... «Что если слова Аз Гохара – правда? – подумал Андрей. – И что, если Вассах действительно задумал уничтожить жителей города?..» Неожиданно он вспомнил Паолу де Тарцини, в этот момент находившуюся в публичной библиотеке, и понял, что у него действительно нету выбора...

Нахмурившись, он прошептал:

– Я с вами, Бен!

– Хорошо!.. – Аз Гохар вздохнул так, словно от ответа Андрея зависела его жизнь. – У вас есть оружие?

– Нет.

– Ладно, тогда вы воспользуетесь моим ножом. Тем более, что огнестрельное оружие против гулов всё равно не эффективно.

– А нож?

– Нож тоже... Но если отрубить гулу конечность, это на какое-то время делает его уязвимым. По крайней мере, за это время от него можно будет убежать или найти более мощное оружие.

– Вы действительно хотите воевать против гулов? – еле слышно спросил Андрей, всматриваясь в лицо старика.

– Я делаю это всю жизнь, – так же беззвучно сартикулировал тот.

Андрей покачал головой, машинально подумав, что их разговор начинает напоминать ему разговор двух героев какого-то дешевого триллера, которые он так не любит смотреть и которые крутят вечерами по кабельному телевидению в любом отеле любой страны мира...

– Что вы намерены сделать в первую очередь, Бен? Пойти и прикончить того, что на лестнице?

– Нет, это лишнее... Возможно, мы и убьем его, но тогда те, что находятся в зале, услышат нас. Вряд ли мы справимся с тремя гулами сразу.

– Тогда что вы намерены делать?

– Мы подождем... Если интуиция не изменяет мне, скоро здесь начнут разворачиваться основные события. Тогда мы и посмотрим, что можно будет сделать. А пока я отвечу на ваши вопросы и расскажу, как лучше всего бороться с этими существами.

– Да, я чувствую, что мне это не помешает, – пробормотал демонолог.

Он осторожно выглянул в дверь, выходящую в зал. Под сводом церкви, где затаился «щеголь», не было никакого движения. В самом зале тоже было спокойно. Тогда Андрей снова прислонился к стене, поднял лежащий у его ноги нож и провел пальцем по его лезвию.

Тем временем Аз Гохар поднял фляжку и прошептал:

– С помощью этого я сжег одного из гулов сегодня ночью... А теперь о том, *зачем* гулам уничтожать людей! – Человек в камуфляже вздохнул. – Прежде всего, я должен объяснить вам, *каким образом* рождаются эти создания. Без этого вы ничего не поймете...

* * *

В половине десятого «ланча-каппа» остановилась возле городской больницы. Сидевший за рулем Кавио Гольди повернулся к замершей на соседнем сиденье Джей Адамс и спросил:

– Джей, подождете меня здесь или пойдете со мной?

Женщина отстегнула ремень безопасности – как показалось комиссару, слегка торопливо, – и потянула за ручку двери:

– Нет уж, одна я здесь не останусь!

Комиссар промолчал, подумав, что за ночь у Джей развилось нечто вроде небольшой паранойи. Впрочем, причина для этого у нее была веская. Выбравшись из машины, он показал Джей на дверь больницы – перейдя тротуар, они вошли в здание...

Пару минут Гольди потратил на то, чтоб разыскать патологоанатома. Доктора он обнаружил на втором этаже больницы, в отделении судебно-медицинской экспертизы. Еще минуту ему пришлось ждать, пока Скала закончит работу за пластиковой перегородкой и выйдет из ординаторской.

Когда доктор оказался в коридоре, Гольди попросил Джей посидеть на стуле, а сам вместе со Скалой отошел к дальней стене коридора.

– Ну, что, Умберто? – спросил он, когда они оказались на таком расстоянии от женщины, что она не могла их услышать. – Санти привез вам образцы костей с «воском» из переулка?

– Полчаса назад.

– И вы уже сделали их анализ? Что вы нашли?

– А как *вы* думаете, комиссар?

Гольди произнес утвердительно:

– То же самое вещество?

– Абсолютная идентичность!

– Вот дьявол!.. Что еще?

– Я осмотрел череп человека, сгоревшего в Викола Гарibaldi. Костные ткани, которые нашли в подъезде, принадлежат ему.

– Значит, это в *него* стреляли в доме, и он же убил тех парней Пальоли?

– Судя по всему, да.

– Вы уже установили его личность?

Неожиданно для Гольди Скала нахмурился и, прежде чем ответить на этот вопрос, помедлил... Наконец, он сказал:

– Вы верите в загробную жизнь, комиссар?

Брови Гольди дрогнули в недоумении.

– Что вы имеете в виду, Умберто?

– То, что я вам скажу, пахнет мистикой.

Комиссар недовольно поморщился:

– Послушайте, док... Сегодня ночью в Террено убиты восемь человек. Через несколько часов Пласти и прокуратура навалятся на меня, как стервятники на падаль! Вы понимаете это? Я прошу вас: давайте обойдемся без загадок. Говорите, что вы нашли, и я поеду!

– Ну, хорошо, раз вы хотите факты, вы их получите... – Помолчав пару секунд, Скала принялся объяснять: – Я снял слепок зубов с черепа сгоревшего человека. После этого сравнил их с образцами, имеющимися в нашем архиве. Оказалось, что череп неизвестного, сгоревшего в Викола Гарibaldi, принадлежит некоему Бьянки Гарроте, застреленному два года назад возле ресторана Гизи Валенти на Золотом Бульваре и похороненному на Чимитеро ди Джовани. При жизни Гаррота работал на Доминика Пальоли!

Договорив предложение, доктор умолк.

Пару долгих мгновений Гольди смотрел на него в немом изумлении, обдумывая услышанное.

– Но этого не может быть!

– Комиссар, вы хотели факты. Вы их получили.

– Но этого не может быть, – повторил Гольди. – Вы не могли ошибиться?

– Нет. За результаты экспертизы я ручаюсь!

Всё еще глядя на доктора с недоверием, Гольди спросил:

– Умберто, вы видели Кирски?

– Да, он в изоляторе. Постоянно твердит о каком-то монстре, который хочет убить его и которого не останавливают пули.

– Он бредит?

– Не знаю, – Скала пристально смотрел в глаза комиссара. – Возможно, и да... А быть может, и нет.

– Но это не может быть правдой! – в третий раз выдохнул Гольди. – Покойник, разгуливающий по городу и убивающий людей? Это не может быть правдой!

– Вы верите в Бога, комиссар? – тихим голосом спросил Скала.

– Конечно... – поежился Гольди. – Где сейчас Доминик Пальоли?

– В реанимационном отделении, подключен к системе с плазмой. Он потерял больше двух литров крови. Почти умер, когда его доставили к нам.

– Когда он сможет заговорить?

– Всё зависит от организма. Хотя, в любом случае, он очнется не раньше полудня.

Оглянувшись на Джей Адамс, Гольди некоторое время думал о чем-то своем, перед тем как спросить:

– Умберто, но что же всё это значит? Что вы можете предположить с точки зрения врача? Я имею в виду этот череп из Викола Гарибальди?

– Не знаю... Но если хотите совет...?

– Разумеется.

– Поезжайте на Чимитеро ди Джовани и раскопайте могилу Гарроты.

Помолчав, Скала мрачно добавил:

– Правда, я не уверен, что вы найдете там что-нибудь, кроме сгнившего дерева!

С минуту комиссар напряженно смотрел на врача, и в глазах его читалось ничем не прикрытое недоверие.

– И все-таки я не верю в оживших мертвецов, Умберто, – повторил он.

– Это ваше дело. Мое – предоставить вам факты... Кстати, я только что исследовал останки, найденные в заброшенном доме у Чимитеро ди Джовани.

– Это те, что сожгли? – автоматически выдавил Гольди.

– Ну, да... И я обнаружил на них кое-что необычное. На черепе сохранились остатки скотча – несколько расплавленных кусков. Так вот, на внутренней поверхности этих кусков обнаружили следы «воска».

Гольди, в который уже раз за это утро, напрягся, а Скала продолжил:

– Но это не всё... Найденный череп пробит. Но оказалось, что пробит он не камнем или, допустим, каким-нибудь инструментом, а *пулей*!

– Что... пулей? – переспросил комиссар. Внезапно недоверие в его взгляде сменила тревога.

– Ага, – Скала твердо кивнул. – Миллиметров семь или восемь. Причем, судя по свежим сколам на кости, произошло это не больше двенадцати часов назад.

Чувствуя, как в груди его зарождается тошнотворный комок, Гольди спросил:

– Пуля от пистолета или винтовки?

– Возможно и то, и другое... Подробней вам ответит баллист, но я бы сказал, что, скорее всего, от винтовки.

– Например, такой как «рэмингтон»?

– Да, – протянул доктор Скала, обдумав вопрос, – «рэмингтон» подошел бы по калибру.

Неожиданно тошнотворный комок, появившийся в его теле, превратился в самый настоящий ком льда – Гольди почувствовал, что вконец теряет возможность думать логически. Он вспомнил слова смотрителя Чимитеро Нуово, услышанные им полчаса назад, – о том, что из могил на кладбище неизвестные выкопали двенадцать *целых* покойников, – и с отчаянием подумал: «*Господи, да что же происходит в этом городе?!*»...

* * *

К половине десятого на пустырь, расположенный в пятистах метрах от речного порта, начали съезжаться легковые машины. Все они были забиты мужчинами в возрасте от двадцати до сорока лет... В течение десяти минут автомобили подъезжали на пустырь один за другим, останавливались на свободном месте, после чего водитель глушил двигатель, а сидящий рядом человек выбирался из машины и шел к большому «лэнд-роверу», замершему посреди пустыря. Переговорив с сидящими в джипе, новоприбывший возвращался в свою машину и принимался ждать...

Без двадцати десять на пустыре собралось семнадцать машин, в каждой из которых сидело в среднем по пять человек. Через минуту на дороге, ведущей из города, показались три черные «мерседеса». Когда они въехали на пустырь, две крайние машины остановились невдалеке от «лэнд-ровера», образуя клин, а средний автомобиль подъехал к самому джипу. Через секунду распахнулась дверь «лэнд-ровера», и из него выбрался Армандо Эрба. Он открыл дверь остановившегося «мерседеса» и сел на заднее сиденье рядом с Франческо Борзо.

Посмотрев на сароaiuto, капо спросил:

- Что у тебя?
- Здесь восемьдесят три человека.
- Люди Доминика пришли?
- Да, их привел Лука Таллья.
- Что со связью и оружием?
- Все вооружены. В каждой машине рация.
- Хорошо. План готов?

Вместо ответа Эрба достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и принялся объяснять нанесенные на него обозначения:

– К заброшенному монастырю ведут две дороги. Я думаю, по шоссе можно будет пустить несколько машин – если Пандора решил устроить засаду, это на какое-то время собьет его с толку. Тем временем мы подъедем к монастырю по объездной дороге.

Эрба указал на тонкую ниточку, идущую вдоль реки.

– Я отправлю вперед несколько человек – они свое дело знают и людей Пандоры почуют издалека. Мы остановимся в четырехстах метрах от монастыря – вот здесь, – сароaiuto показал на небольшое пятно возле дороги. – Это поляна в пятидесяти метрах от реки. Там мы подождем результатов разведки. Если парни обнаружат засаду, можно будет отступить или пробраться к монастырю через заросли; если же всё будет спокойно, мы подъедем к нему по дороге.

Выслушав помощника, Борзо кивнул:

– Идет... Так мы и сделаем!

Потом он взглянул сквозь стекло на замерший «лэнд-ровер»:

– Как Луиджи?

– Немного нервничает, – ответил Эрба. – Но его можно понять – он давно не участвовал в серьезном деле.

– Это-то меня и беспокоит. Может, ему лучше остаться?

– Не думаю, – осторожно проговорил сароaiuto. – Полагаю, Луиджи справится.

Борзо нахмурился, еще раз подумав, что лучше бы ле Гранде остался на его вилле, где собрались жены Траколло, Эрбы и его собственная – под охраной десяти человек и Рокко. Потом посмотрел на часы и сказал:

– Ладно, Армандо. Начинай распределять людей!

Кивнув, сароaiuto шагнул на дорогу...

Спустя пять минут кавалькада из пятнадцати машин, вытянувшись в цепочку, двинулась с пустыря по дороге, идущей вдоль реки. Пять машин отправилось к шоссе на Мorte-Коллине, по которому также можно было подъехать к монастырю...

Без десяти десять полтора десятка машин, двигавшихся по виноградной плантации, остановились в четырехстах метрах от монастыря, на небольшой поляне, окруженной плотной стеной ясеня и пробкового дуба. Десять человек Армандо Эрбы сразу же отправились к монастырю. Сам Эрба связался по рации с машинами, двигавшимися по шоссе, и приказал им остановиться невдалеке от свертка на грунтовку и ждать.

Через четыре минуты разведчики доложили по рации, что в монастыре никого нет. Выслушав их, Эрба повернулся к сидящему рядом капо:

– Похоже, мы ошиблись, Франческо?

Немного подумав, Борзо ответил:

– То, что в монастыре пусто, еще ничего не означает... Они проверили окрестности?

– Там всё чисто. Если бы было что-то подозрительное, парни бы обнаружили это!

Подумав еще, Борзо приказал:

– Ладно, едем к монастырю...

Вскоре пятнадцать машин остановились в двадцати метрах от северной стены, огораживающей шесть полуразрушенных церковных строений. Пять машин, ждавших на шоссе, проехали по грунтовке к монастырским воротам. Люди, сидевшие в них, доложили, что на шоссе и окрестностях, прилегающих к дороге, никого нет. Борзо приказал еще раз внимательно осмотреть монастырь. Лишь после того, как полсотни человек в течение двух минут излазили все здания, он, Эрба и ле Гранде вошли через проржавевшие ворота на территорию монастыря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.